

ВЕРШИНА

Константин Денисов

Константин Денисов

Вершина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67240527

SelfPub; 2023

Аннотация

Шёл спокойно по улице, и вдруг – на тебе! Похитили и заперли под землёй. Думаю, хотели пустить на органы... пришлось сбежать. Прихватил с собой девчонку, её та же судьба ждала. Но ей ещё меньше повезло, у неё даже одежду отобрали. Теперь мы в бегах, в гигантской Москве две тысячи двухсотых. Есть подозрение, что всё это подстроено, и мы принимаем участие то ли в игре, то ли в телешоу. Как будто нас гонят, как крыс по лабиринту. Только бы выжить! Да и девчонка хорошая, кто о ней позаботится, кроме меня? Придётся спасти двоих! Хотя характер у неё конечно...

Содержание

Глава 1. Похищение	4
Глава 2. Вика	17
Глава 3. Следователь	30
Глава 4. Начало игры	42
Глава 5. Игра продолжается	55
Глава 6. Лестница	68
Глава 7. Новая локация	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Константин Денисов

Вершина

Глава 1. Похищение

– Серёжа, сражайся! – кричала Вика, разрывая связки, и ему казалось, что сейчас у неё из горла брызнет кровь, настолько отчаянными были крики, – не сдавайся! – кричала она и от отчаяния молотила руками по луже, в которой лежала на спине, после того, как её ударили кулаком в лицо.

А он перестал. Перестал сопротивляться. Ему было плевать, что его тащат за ноги по асфальту, и он только старался поднимать затылок, чтобы не разодрать его в кровь. И дело было не в том, что он струсил. Нет, ему было, конечно, страшно! Очень страшно! Так, как никогда до этого не было! Но он не струсил. Он бы продолжал отбиваться до последнего, насколько хватило бы сил, даже не смотря на то, что это было совершенно бессмысленно, силы были очень не равны.

Дело было в том, что стало понятно, что им нужен он. Вика не представляла для них интереса. Почему и зачем он им понадобился, было сейчас не важно, главное, чтобы её не тронули. Он хотел, чтобы они тащили его куда угодно, делали что угодно, лишь бы она поскорее осталась одна и вне

опасности. И лишь бы ей хватило ума не побежать следом и не попытаться его отбить.

Но она бы побежала. Обязательно побежала. Поэтому, когда рядом он услышал характерный вздох, какой бывает при открывании двери транскапсулы, то испытал облегчение. Значит, его дальше повезут. Только бы не вернулись за Викой, и только бы она не успела опомниться и кинуться в драку.

Получается, что это было похищение. Кому и зачем он вдруг стал так нужен, было непонятно. Единственное, что приходило в голову, так это то, что кому-то понадобились его органы. Других вариантов пока не было. Но об этом он начнёт беспокоиться позже, когда Вика останется далеко.

Транспортная капсула взмыла вверх, вызвав лёгкое ощущение перегрузки, как в скоростном лифте. В таких быстрых, ему ещё летать не доводилось. Они стремительно удалялись от места событий, и с каждой секундой тревога за Вику отступала, а паника, связанная с его собственной судьбой, наоборот, накатывала неудержимой волной. Так, что даже дышать становилось трудно.

***

Его везли около часа. Учитывая, какая быстрая была транскапсула, улетели они очень далеко. Он чувствовал, что вертикальный подъём закончился, и они полетели горизонтально. Скорее всего, они поднялись над городом. Что это значило? То, что это были не бандиты. Над городом могли под-

ниматься только государственные службы.

Зачем бы он мог понадобиться бандитам? Кто бы на него позарился? У него нечего было брать. Но таким экипированным бандитам, вряд ли понадобилось бы имущество. Скорее информация или навыки, которыми он владеет. Ни того, ни другого, достаточно ценного, чтобы его ради этого можно было похитить, у него не было.

С другой стороны, что за дело до него государству? Не то что бы он был образцом законопослушания, но организовывать операцию с силовым захватом, бить в лицо девушку (тут он опять вспомнил про Вику и вздрогнул), это перебор для любой силовой структуры.

В конце концов, ему могли прислать сообщение на коммуникатор, и он бы сам явился как миленький...

Оставался только один, самый стопроцентный вариант. Его просто перепутали. Приняли за другого. Конечно, в современном информационном мире такое маловероятно, но всё же возможно. А может, этот другой его и подставил. Повесил на него чужой идентификатор, вот его и повязали.

Всё хорошенько взвесив, Сергей решил выбрать стратегию правды. Отвечать предельно честно и откровенно на все вопросы, которые ему будут задавать, даже если что-то очень захочется утаить. На большой срок он за всю свою жизнь не нанарушал, пусть уж знают всё. Потому что, если на него повесят чьи-то чужие грехи, всё может оказаться гораздо серьёзнее.

Через час транскапсула начала снижаться так же стремительно, как и поднималась вначале. Похитители были в масках, и не сняли их до сих пор. Все молчали. Сергей тоже, по одной простой причине – говорить было страшно.

По сменившейся акустической картинке, он вдруг заподозрил, что они влетели под землю. Несмотря на то, что здесь была хорошая звукоизоляция, шум мегаполиса фоном всё равно присутствовал непрерывно. Когда они летели над городом, он отдалился, но не исчез. Это тот шум, который перестаёшь замечать со временем, который всегда рядом с любым городским жителем. А тут вдруг стало совершенно тихо. Совсем. Остался только звук самой капсулы, но он оказался очень тихим.

Так они продолжали двигаться тоже довольно долго, многократно меняя направления. Наконец «транс» приземлился. Никто не шевельнулся, все продолжали сидеть, как ни в чём не бывало. Похоже, чего-то ждали.

Так и оказалось. Минут через пять, которые показались просто вечностью, дверь открылась, и снаружи раздался голос.

– Привезли? – спросил кто-то строго.

Ответа не последовало, вместо этого его просто схватили и поволокли из капсулы наружу. За всё время с момента первого контакта, его похитители не проронили ни слова. Он понял это только тогда, когда услышал голос встречавшего.

Его поставили на ноги и отпустили. Перед ним стоял

обычный неприметный человек в сером костюме и в очках и задумчиво на него смотрел.

– Почему ты? – после небольшой паузы спросил он.

– Что, я? – удивился Сергей, внезапно почувствовав себя виноватым, как будто этот человек расстроился из-за него, но тут же спохватился, – что вообще происходит, и кто вы такие?

Наверное, вопросы здесь задавать ему было нельзя, потому что тут же он получил удар локтем в бок, да так сильно, что перехватило дыхание. Человек в очках устало вздохнул, как будто всё произошедшее повторялось уже не однократно. Он махнул рукой, чтобы Сергея вели за ним, и, повернувшись, пошёл со стоянки к ближайшему лифту.

Сергея сильно пихнули между лопаток, и он был вынужден последовать за этим неприятным человеком в очках, которого сразу невзлюбил, потому что чувствовал, что тот имеет непосредственное отношение к происходящему. И если у кого и выяснять, что всё это значит, так именно у него. Надо только поймать удачный момент, когда некому будет бить его по рёбрам.

С ним шли только двое из его похитителей, но и они в лифт не сели. Там оказались другие охранники и тоже двое. Эти были уже без масок, как и очкастый. Лица их ничего не выражали, они делали свою рутинную работу.

Взгляд Сергея случайно упал на панель с кнопками. Они занимали пол стены и их были сотни. Никогда раньше он та-

кого не видел. Лифты в высотных зданиях давно уже строили по новому принципу, и теперь не нужно было пересаживаться, одолев часть пути. Теперь, даже в самых высоких комплексах, лифт ехал снизу доверху, но у этажей не было своих кнопок, а была клавиатура, на которой можно было набрать номер нужного этажа. И хотя Сергей не был знатоком современной архитектуры, но такое количество кнопок казалось запредельным. Пока он не обратил внимание на то, что перед большинством чисел стоит минус.

От нуля вверх было только три кнопки, а вниз почти пятьсот. Пятьсот этажей под землёй? Ну, нет, это же невозможно. Про это даже легенд не ходит. Если бы такое существовало, то информация бы просочилась, хотя бы в виде слухов. Под городом не могло быть таких глубоких построек. Да это вообще, технически достижимо?

Сергей поймал себя на мысли, что думает совсем не о том. Гораздо важнее было то, что с ним сейчас происходит. Но, видно мозг решил спрятаться за рассуждения о невероятном лифте, чтобы не впасть в отчаяние. А отчаяться было от чего. Ситуация не предвещала ничего хорошего. Независимо от того, в чём тут дело. Даже если это ошибка, и он ничего не натворил, а его схватили случайно, с каждой минутой он всё более утверждался в мысли, что обратно его уже не отпустят. Ему казалось, что он начал узнавать то, чего простым людям знать не положено. Хотя, если бы его спросили сейчас, что же именно он узнал, он вряд ли смог бы ответить.

Горела кнопка минус четыреста семьдесят три. Почти в самом низу. Очкастый перехватил его взгляд.

– Да, приятель, ты опускаешься на самое дно этого мира, – и он усмехнулся.

Когда они приехали, а ехать им пришлось не так уж и долго, видно транскапсула проделала большую часть пути сама, и парковка находилась уже довольно глубоко, то его провели по коридору и поместили в чёрную комнату. Она была именно чёрной. Вся. Включая унитаз в углу и откидную кровать у стены. Свет был очень тусклым, и его источник был непонятен. Как будто сами стены слегка светились, но тоже чёрным. Было очень мрачно и тревожно.

Ему по-прежнему ничего не объяснили, да и вообще не разговаривали. Кроме нескольких слов на парковке и фразы в лифте, больше никаких слов не было сказано вообще. Не только ему, но даже между собой его похитители не разговаривали.

Туалет оказался очень кстати. Он уже давно чувствовал сильное давление на мочевой пузырь, даже непривычно сильное, скорее всего от перенесённого стресса. Его это очень волновало, потому что не хотелось обмочить штаны перед этими людьми, кем бы они ни были. Тогда сохранить достоинство будет намного труднее. А он собирался это сделать. Хотя, пока даже представить не мог, что его ждёт.

Отлив, он уселся на кровать и стал ждать. Кровать – это было, конечно, условное название. Жёсткая откидная па-

нель, без белья, подушек и одеял. Просто горизонтальная поверхность. Но хоть что-то.

Он всё сидел и сидел, а никто не приходил. Мысли путались в голове. Эмоции тоже скакали то вверх, то вниз. То ему казалось, что всё это сейчас закончится. За ним долго не приходят, потому что разобрались во всём, поняли ошибку, и теперь думают, как загладить свою вину. Может быть, даже дадут ему компенсацию, за причинённые неудобства. Постепенно, он стал планировать, куда потратит эти деньги. Вся проблема была в том, что он не знал, какая будет сумма. Но Вике хороший подарок нужно будет купить обязательно. А лучше всего съездить вместе куда-нибудь из города. Он, за всю свою жизнь ещё ни разу не выбирался на природу. Вика, насколько он знал, тоже.

Этот благостный поток сознания прервал голос, внезапно начавший орать внутри: «О чём ты думаешь? – кричал голос, – какие деньги? Ты в своём уме? Тебе конец! Думай, как спастись!». Голос был, скорее всего, прав. Но проблема была в том, что спастись вариантов пока не было, а мысли в голову лезли всё равно, и лучше было направить их в спокойное русло, чем поддаваться панике. Планирование траты несуществующих денег, как нельзя лучше подходило для этого.

Он всё сидел и волнообразно переживал перепады настроения, от паники к умиротворению, а никто всё не шёл и не шёл. Неизвестно сколько часов прошло, но ему казалось, что очень много. Хотя, это могло быть субъективным восприяти-

ем, никаких внешних ориентиров, по которым можно было бы отслеживать ход времени, не было. Наконец он не выдержал и прилёг, хотя до последнего сопротивлялся этому желанию. Ему казалось, что это будет проявлением слабости, что лёжа он будет более беззащитным. Как будто сидя, он был отчего-то защищён.

Сон набросился на него почти мгновенно. Как только стало не нужно поддерживать положение тела в пространстве, мозг отключил и все мыслительные процессы. Сергей даже не уснул, а как будто потерял сознание.

Проснулся он так же стремительно, и мгновенно сел на кровати. Едва уловимый вздох пневматики при открывании двери, сработал для него как пушечный выстрел. Давая телу отдохнуть, мозг, как оказалось, очень настороженно дежурил.

В проёме двери появился охранник, в такой же форме, как и у тех, что были в лифте. К слову сказать, такую форму Сергей никогда раньше не видел. И не то чтобы он был знаком, но эта деталь тоже напрягала. Хотелось узнать хоть что-то, пусть даже плохое, неизвестность становилась невыносимой.

– На выход, тебя переводят, – сказал охранник и встал сбоку, ожидая пока Сергей выйдет из камеры.

– Куда, – спросил он, проходя мимо охранника, но тот не удосужил его ответом.

Они шли по безликому коридору, мимо таких же безли-

ких дверей, на которых не было ни номеров, ни каких-то других обозначений. Как, интересно, местные обитатели попадают туда, куда им нужно? Несколько раз повернули то направо, то налево, и наконец, подошли к одной из дверей. Охранник её открыл, пропустил Сергея внутрь, и закрыл снаружи.

Это, наверное, была какая-то шутка. Он оказался в точно такой же камере, как и до этого. Какой смысл был его переводить? Чтобы сменить постельное бельё? Сергей невесело усмехнулся. А может это даже не другая камера, а та же самая? Он бросился искать следы своего пребывания, но не обнаружил, как ни старался. Туалет был чистым, да он и сам помнил, что нажал кнопку слива. Была надежда, что когда спал, слюна стекла изо рта, и на месте где была голова, найдётся хоть какой-то след. Но нет. Всё было идеально стерильно.

А может это и правда была другая камера? Мало ли какие у них тут правила, и зачем понадобилось его переводить. Если он не знает причин, то это не значит, что их нет. Да и, по сути, какая разница? Ему от этого не жарко и не холодно. И в прямом и в переносном смысле. Подумав об этом, он удивился, что здесь и впрямь очень комфортный температурный режим. Было в меру тепло, но не жарко. Просто хорошо, если это слово применимо к данной ситуации в принципе.

Сергей понял, что хочет пить. Про еду пока речь не шла, организм находился в стрессовом состоянии и вырабатывал

массу гормонов, которые заменяли ему сейчас пищу. А вот пить хотелось. Жаль он не догадался спросить у охранника. Подождав некоторое время, он убедился, что ничего не изменилось и про него, хотя и помнят, раз перевели в другую камеру, но общаться не торопятся.

Пройдясь по комнате, он остановился возле унитаза. Интересно, а если ему так и не дадут воды, а жажда будет усиливаться, сможет ли он перебороть брезгливость и попить оттуда? Он решил что сможет. Пока, разумеется, не готов к такому шагу, но если припрёт, то даже такой резервуар с водой лучше, чем никакого.

Походив из угла в угол, он опять прилёт, потому что было всего три варианта занятий: ходить, сидеть или лежать. Он решил лежать. И надо же, он опять уснул. Не так быстро как в прошлый раз, но всё равно. Да уж, мозг экономит энергию, подумал он проснувшись.

После пробуждения пить захотелось ещё сильнее. Возможно, что когда он спал, то дышал ртом, потому что там была просто пустыня. Всё страшно пересохло. Поколебавшись немного, он решительно встал и направился к унитазу, стараясь не думать о том, кто мог пользоваться им до него. Подойдя, ошарашено замер. Унитаз был пуст.

Воды не было совсем. Он провёл по стенкам, там, где она должна быть, пальцем. Там было сухо. Но ведь перед тем как уснуть, он же её видел. Недоумение сменилось облегчением, когда он понял, что нужно делать. Протянув руку, он нажал

кнопку слива.

Ничего не произошло. Ни звука, ни движения, ни капли воды. Ноль. Зеро. Как будто его мысли прочитали и решили лишить его единственного доступного источника жидкости. А может, не прочитали, а догадались? За ним наверняка наблюдают, и когда он задумчиво рассматривал унитаз, поняли его мысли?

Почувствовав на себе чужие взгляды, Сергей поёжился. Это было неприятно. Сначала, он об этом совсем не подумал, но теперь, это казалось совершенно естественным. Конечно, за ним наблюдают. Было бы странно, если бы не наблюдали.

Сергей опять лёг. Его что? Хотят уморить голодом и жаждой? Или это просто совпадение, и воды нет по техническим причинам? Но если хотят морить, то с какой целью? Что им от него нужно? Внутри росло негодование, что его даже не спросили. Он бы им всё и так рассказал. Ну, если бы это не причинило вреда кому-то другому, а только ему.

На этой мысли он решил задержаться. С этой стороны он был ещё не готов к разговору с похитителями и решил хорошенько обдумать, чего о своих знакомых и родственниках говорить не стоит, и есть ли вообще такая информация. Всё что приходило на ум, было каким-то пустяковым. Даже то, что раньше казалось важным, или серьёзным нарушением закона, сейчас, в новом свете, выглядело полной чепухой. Ну не будут похищать человека, чтобы узнать, как кто-то из его знакомых не заплатил налоги с заказа, или стащил что-

то в магазине, и целый год об этом всем рассказывал.

Были ещё политические мотивы. Но ярых революционеров тоже не было. Так, кухонные возмущальщики.

Впрочем, морить его не стали. Через некоторое время в стене открылось отверстие, где стоял стакан воды и на тарелке лежал кусок чёрного хлеба, посыпанный чем-то белым. Он взял одну крупинку и положил на язык. Это была соль.

– На хлебе и воде? Серьёзно? В двадцать третьем веке? – сказал он вверх, тем, кто за ним наблюдает. Ему казалось, что они смотрят оттуда. Хотя, возможно, только казалось.

Глава 2. Вика

Как легко опрокидывается жизнь вверх тормашками. Сейчас ты идёшь по улице, думаешь, что всё под контролем, строишь планы. А через минуту уже лежишь в луже с разбитым лицом и смотришь, как люди в масках запихивают твоего парня в транс и увозят в неизвестном направлении. И оказывается, что ты вообще ничего не контролируешь. Всё это иллюзия, которая существует до тех пор, пока от тебя никому ничего не нужно. А как только понадобилось, то вот, пожалуйста. От этого легко впасть в депрессию.

Но обо всём этом Вика думала уже потом, вечером, в паузах между слезами и истериками. Лёжа в постели, она никак не могла понять, как такое вообще могло с ними случиться? И почему именно с ними? Да и, чёрт возьми, что именно случилось? Она не знала. Серёжку схватили, уволокли, затолкали в транс, но кто и зачем было неизвестно.

Сначала они отчаянно сопротивлялись, но после того, как её ударом в лицо отправили в лужу, она видела, что Сергей, как будто сдался. И она догадывалась почему. Он увидел, что она им не интересна, и хотел замкнуть всю эту историю на себе. Чтобы они ушли от неё. Она была в этом уверена почти на сто процентов. И считала, что это было очень самоотверженно с его стороны. Он практически принёс себя в жертву.

А она? Она просидела в луже, пока транс не улетел вверх. Да, она кричала, но ничего не сделала, не бросилась следом. Помогло бы это? Наверное, нет, но сейчас бы ей было гораздо спокойнее. А так, у неё было чувство, что она чего-то не доделала. Спасовала.

Она уговаривала себя, что это бы обесценило Серёжкину жертву, если бы на неё вновь обратили внимание. Но на душе было всё равно гадко.

Как только транскапсула улетела, Вика начала звонить в милицию. Патруль прилетел, но не меньше чем через полчаса. За это время можно было убить, изнасиловать и ограбить кого-нибудь многократно. Вика впервые вызывала помощь, и ей это показалось просто дикостью. В её взвинченном состоянии, эти полчаса показались вечностью.

Прилетевший патруль тоже не проявил особого энтузиазма и заинтересованности. Они вяло расспросили её о произошедшем, и с радостью бы убрались восвояси, сославшись на то, что кроме её слов нет никаких свидетельств произошедшего инцидента, собственно, так они и пытались поступить, но Вика вцепилась в них мёртвой хваткой.

Пришлось взять её и отвезти в отделение. Поскольку она была мокрая после валяния в луже, то в транс её сажать они тоже не спешили, боялись испачкать сиденье. Долго искали в багажнике, что можно подстелить. Вика наблюдала за этим в ужасе, думая о том, что если они так испугались её мок-

рых штанов, то, что было бы, если бы она истекала кровью? Бросили бы на улице умирать? Ждали бы скорую, но в свою «священную» трансапсулу не посадили?

В отделение её отвезли тоже не сразу. То у них поступил срочный вызов, и они поехали на него. Но особой спешки на этом «срочном вызове» не проявляли, как и с Викой. Вяло ходили, что-то выясняли и, как ей показалось, вообще ничего не сделав, улетели. Потом пришёл сигнал, что камера кого-то опознала, они «устремились» туда...

Вика сидела, прислонившись лбом к стеклу, и чем дальше, тем больше, впадала в апатию. Рядом были сотрудники правопорядка, которым она делегировала свои проблемы, и как большинство граждан думала, что они их сейчас начнут решать: ловить преступников, объявлять план перехват, делать хоть что-то. Но чем больше она наблюдала за их деятельностью, тем меньше верила, что они могут сделать хоть что-то. Вернее, может они и могут, но совершенно не хотят.

Когда её, наконец, привезли в участок, то оказалось, что он был совсем рядом с тем местом, где на них напали. Буквально, несколькими ярусами выше. Неужели нельзя было её туда сразу доставить, а не возить битый час по городу? Там её сдали человеку за стойкой и тут же уехали, чем в очередной раз шокировали.

Человек, с которым ей пришлось общаться, был вообще не в курсе кто она и зачем здесь. Информации о нападении в базе не было. Пришлось объяснять всё заново. Потом при-

шлось вручную, авторучкой, которую она не держала в руках со школы, заполнять заявление, кучу бланков, и всё это на бумаге!

Вика думала, что бумажный документооборот не существует уже более ста лет. Но оказалось, что в организации, от которой она ждала быстрого реагирования на её проблему, дела делаются именно так.

После того, как она всё заполнила, на что ушло опять не меньше часа, её отвели в кабинет, и она предстала перед человеком, сидящим за заваленным папками столом, и изучающим какие-то бумаги. Не отрываясь, он жестом указал ей на стул, куда она села и принялась ждать, когда же он, наконец, снизойдёт до общения с живым человеком. Произошло это не скоро, но чему уже тут удивляться.

Когда он всё же дочитал свои важные бумаги и закрыл папку, то поднял глаза на Вику и скромно улыбнулся. Вика подумала, что он видит её в первый раз, хотя она сидит в кабинете уже давно. Она не сказала ни слова, и он слышал только шаги, когда она вошла. Он мог представлять её как угодно. Мог думать, что в кабинете сидит мужчина, или бабушка, да кто угодно. А теперь вдруг увидел что это девушка и улыбнулся. Нужно было проявить свою половую принадлежность пораньше, думала она, покашлять, или сказать что-то между делом, может тогда бы не пришлось ждать так долго. Но она вела себя как мышка всё это время, и теперь немного об этом жалела.

– Хотите, угадаю, о чём вы сейчас думаете? – спросил внезапно мужчина.

Вика от неожиданности кивнула.

– Вы думаете, что попали в прошлое и всё здесь происходит нарочито медленно, как бы наперекор этому быстрому и суетному миру, так? – он лукаво прищурился.

Вика решила, что не будет играть в деликатность, и кивнула очень уверенно, мол, если вы всё понимаете, то почему не исправите ситуацию?

– Не нужно думать о нас плохо, мы делаем что можем, – слегка извиняющимся тоном сказал мужчина, – современный мир так устроен, что преступления совершать довольно трудно. Но если кто-то умудряется это сделать, то поймать его дело безнадежное. Девяносто девять процентов вызовов это бестолковая межличностная возня. Люди спорят, ссорятся, дерутся, а мы едем и вынуждены вникать в ситуацию, пытаться что-то предпринять, чем-то помочь. Хотя в большинстве случаев, им нужен психолог, а не милиция.

– Но мой случай не такой! – не выдержала Вика.

– Теперь о вашем случае, – сказал мужчина, – система сомневается, что он вообще имел место быть.

Вика удивлённо подняла брови, а слова застряли в горле. Увидев её замешательство, мужчина опять улыбнулся.

– Вам кажется, что вы всё время ждёте, а ничего не происходит. Но это совсем не так. Сигнал ушёл сразу после вашего обращения. Он обрабатывался нашей системой. Когда наряд

до вас доехал, поиск злоумышленников уже давно шёл. По полученной от вас информации сразу началось отслеживание по всем камерам, но, увы, безрезультатно. Вас так долго везли и оформляли, потому что не было никакой необходимости спешить, пока система работала. Теперь она работу по вашей заявке закончила, и вот я с вами разговариваю.

– Иииии? – спросила Вика, но от волнения голос не послушался и из горла вырвался какой-то хрип, но человек её понял.

– И ничего! Лично я вам верю. Думаю, что инцидент имел место быть, но он как раз попадает в один процент настоящих преступлений, которые раскрыть, очень мало шансов.

– Я ничего не понимаю, – упавшим голосом сказала Вика.

– Именно для этого я с вами и разговариваю, чтобы всё объяснить, – сказал человек и вздохнул, собираясь с мыслями, – система не нашла подтверждений произошедшего преступления, кроме ваших слов. Если этого не произошло в первые часы, то дальше, уже вряд ли случится. Да, ещё несколько дней она будет пробовать разные алгоритмы, но опыт показывает, что если этого не получилось сразу, то и потом шансов практически нет.

– Что за система? – спросила Вика, потому что ничего уже не понимала.

– Наш искусственный интеллект, – сказал человек, – в современном мире преступлениями занимается он. Точнее, как я и говорил, большей частью несерьёзных нарушений.

Но вот если кто-то научился хакать систему, или оставаться незамеченным для неё, или придумал что-то своё, нестандартное, а такие уникамы бывают, то ИИ может просто быть в неведении относительно происходящего. Он вычёркивает эти случаи из своей оперативной памяти, и они попадают сюда, – и человек похлопал рукой по бумажным папкам.

– Вы же говорили, что эти преступления не раскрываются, – сказала Вика.

– Но это не значит, что не нужно пытаться. И потом, я немного преувеличил. Далеко не всё, но кое-что мы таки раскрываем, – человек откинулся на спинку своего кресла, – мало кто знает, как работает современная милиция, и тем более люди забыли, что вообще существует преступность. Я имею в виду настоящую преступность, а не драку на улице, или ещё какую-нибудь ерунду. Преступления не показывают в новостях, эта практика давно прекратилась. Я против этого ничего не имею. Любой обыватель, который нарушит закон, скорее всего, предстанет перед судом в тот же день. Но это обыватель...

– Стоп, стоп, стоп, – Вика затрясла головой, – зачем вы мне всё это говорите, и какое всё это имеет отношение к похищению моего друга?

– Я всё это вам говорю, потому что, как уже сказал, верю в вашу историю. Наш ИИ не верит, а я верю. Поэтому хочу, чтобы вы поняли принцип нашей работы, и мы с вами плодотворно сотрудничали. Формально, я могу закрыть дело хоть

сейчас. Но я не хочу поступать формально. И дело тут не в вас, хотя вы, безусловно, очень милая девушка, а как раз в том, как наша работа организована.

– Спасибо, – запоздало среагировала на комплимент Вика.

– В мегалополисе Москва, при двухсотмиллионном населении, каждый год бесследно исчезают тысячи человек. У нас сотни миллиардов камер! А люди исчезают. Как такое возможно? Да, некоторых, бывает, находят, но меньшинство. Где остальные? Знаете, как дальше будет работать алгоритм поиска? – спросил человек.

Вика отрицательно покачала головой.

– Не найдя следов похитителей, он вернётся на место преступления. Да, на нижнем уровне мало камер. Но не ваша вина, что вы решили там прогуляться, это не запрещено. Вы удивитесь, как много людей спускается каждый день в самый низ, чтобы походить по асфальту, и знать, что внизу земля. Это, наверное, некая психологическая потребность, ощутить под ногами земную твердь. Но сейчас не об этом. Система видела, как вы туда пришли. Она знает весь ваш путь до самого низа, и некоторые фрагменты там. Если свидетельств похищения не обнаружено, то система думает, что объект остался где-то внизу, вне зоны камер. Туда будут направляться патрули, они будут вынуждены вручную всё обследовать, заглядывать во все дыры, в надежде найти тело, уж извините. Никто не горит желанием этим заниматься, по-

тому что в подавляющем большинстве случаев результат нулевой. Но и не делать этого нельзя, система требует, чтобы патрульные работали её глазами в зоне, которую она сама не видит.

– Не проще ли установить камеры и там? – спросила Вика.

– Не проще, – ответил человек, – каждый день устанавливаются миллионы новых камер, и места где это происходит, более важны с точки зрения обеспечения безопасности. Вместе с этим растут вычислительные мощности, поскольку эту информацию нужно обрабатывать. Это не вопрос желания или нежелания, это математика. Камеры ставят там, где они нужнее. До нижнего яруса тоже иногда доходит очередь, но редко и по чуть-чуть. Бывает, что и старые-то поменять ресурсов не хватает. Ну так вот, территория будет обследоваться концентрическими кругами. Интенсивность этого обследования будет постепенно падать, система будет закрывать зоны как проверенные и при достижении определённого порога расхода ресурсов дело будет автоматически закрыто. Раньше про такие дела говорили – «висяк». У нас один сотрудник недавно вычитал, нам понравилось, и это слово сейчас становится модным среди следователей.

– Но вы всё равно ведёте такие дела, хотя шансов их раскрыть, очень мало? – сказала Вика.

– Да, – кивнул человек, – какие бы объёмы данных и как бы хорошо не анализировала система, у неё в основе лежат алгоритмы. Да, фантастические! Да, неискущённому обыва-

телю может показаться, что ИИ значительно превосходит человека. Другое дело искушённый обыватель. Он знает, как работают алгоритмы, а значит, может их обмануть. Или ввести в заблуждение. Есть такие умельцы. А есть те, кто знает, как это умение использовать. Есть рынок услуг, и есть те, кто этими услугами пользуется.

– Как пользуются? – спросила Вика, – зачем им могло понадобиться похищать Серёжу? Он обычный человек! Какой в этом смысл?

– Ну, первое что приходит на ум, – сказал следователь, – так это, что его похитили на органы.

– Чтоооо? – Вика непроизвольно поднесла руку ко рту, потому что закрыть его от удивления не получалось.

– Вы про такое не слышали? Это всё политика позитивных новостей. Но, как я и говорил, это не плохо. Меньше идей для тех, кто мог бы пойти по преступному пути, но не видит такой возможности. Когда преступления обсуждали по телевидению, это было своего рода рекламой такой деятельности. Теперь же этим занимаются сугубо профессионалы, поэтому уровень преступности ниже, чем когда бы то ни было в истории человечества.

– Значит, нам просто не повезло? – спросила Вика.

– Вряд ли, – возразил следователь, – думаю, что это не случайность. Если моя теория верна и его похитили на органы, то, скорее всего, знали, кого берут. Косвенно это подтверждает то, что к вам они не проявили никакого интереса.

Но есть и другие варианты.

– Какие?

– Возможно, он узнал то, что ему знать не следует...

– Не знал он ничего такого! Он бы мне рассказал! – резко сказала Вика, и осеклась, понимая, что злиться на следователя, который, похоже, хочет ей помочь, не лучшая идея.

– Он мог и сам не знать, что что-то знает. Да, бывает и такое, – сказал следователь, увидев, как удивлённо она на него посмотрела, – мог увидеть кого-то, кого не нужно там, где не нужно. А этот кто-то не хочет, чтобы хоть кто-нибудь знал, что он там был.

– Слишком туманно, – Вика с сомнением покачала головой.

– Да, но бывает и такое. Это всего лишь версия. Бывает, что особо зарвавшиеся элитарии заводят себе рабов. Как для сексуальных игр, так и просто, для самоутверждения. Такие дела пару раз раскрывались. Но большая часть людей, не хочу вас расстраивать, но это правда, исчезают бесследно.

– И что теперь делать? – спросила Вика, – есть хоть какая-то надежда?

– Надежда есть всегда, – ответил следователь, – но лучше готовиться к худшему. Я перевожу ваше дело в бумагу, не дожидаясь пока его закроет система. Вы думаете, наверное, что в процессе нашего общения я говорил, а вы сидели, слушали и не понимали, зачем я вам столько всего рассказываю, да?

Вика кивнула.

– А на самом деле, говорили больше вы, только вот не словами, а всем своим телом, реакциями на информацию. Я мог бы вам задавать прямые вопросы: что вы там делали, имеете ли вы отношение к исчезновению и возможно гибели вашего друга...

– Яаааа? – возмущённо протянула Вика.

– Да, вы! Всегда первым под подозрение попадает тот, кто был рядом с жертвой, даже если это он сам обратился за помощью. И вы бы удивились, если бы узнали, в скольких случаях свидетель бывает замешан. Но вы не волнуйтесь. По вашим реакциям я довольно подробно составил картину произошедшего. Вы тут не при чём.

– Но я же вам ничего не говорила!

– Вы говорили другим. Вся информация у меня на экране, вы просто не видите компьютер за горой папок. Там же у меня все графики анализа произошедшего системой. Но это сюжет. Из ваших же реакций я составил эмоциональную картину произошедшего. Я как будто всё видел своими глазами, – сказал следователь.

– Хорошо, – согласилась Вика, – но это-то вы мне зачем сейчас говорите? Опять следите за моими реакциями?

– Нет, теперь я это говорю, чтобы раскрыть карты и чтобы между нами сложились доверительные отношения. Это полезно для дела. Я дам вам свой прямой номер, вы сможете звонить мне, если вдруг возникнут какие-то новые обстоя-

тельства, договорились? – спросил следователь и улыбнулся.

– Какие, например? – не поняла Вика.

– Ну, например, если ваш друг придёт внезапно домой. Лучше сразу мне об этом сообщите, договорились?

– А такое возможно? – удивилась Вика.

– Возможно всё, но особо не рассчитывайте. Я не хотел вас впустую обнадёживать, просто привёл пример. Ну так что, договорились? – спросил следователь и протянул ей руку, встав из-за стола.

Вика тоже встала и протянула свою руку следователю. Он её пожал и, не отпуская, повёл к двери.

– Вам сегодня пришлось многое пережить. Я вызвал вам автотранс, он вас отвезёт домой. За наш счёт, можете не волноваться об оплате. Это такая социальная услуга для пострадавших. Мелочь, но всё же...

За время разговора со следователем, Вика несколько отвлеклась и начала воспринимать ситуацию немного отстраненно, но дома на неё вновь обрушился весь ужас произошедшего, и последовала череда истерик. С трудом она заснула поздно ночью. А утром неприятности продолжились. Хотя она в такое и не верила, но Вике показалось, что её прокляли.

Глава 3. Следователь

Разговор с Викой, как он ей и сказал, позволил увидеть произошедшее не только с фактической, но и с эмоциональной точки зрения. На не это было поводом, чтобы он нарушил заведённый алгоритм действий. Причина того, что он не стал дожидаться закрытия дела системой, а сразу решил перевести его в бумажное, была в том, что он почувствовал вмешательство. Кто-то пытался ненавязчиво спустить это происшествие в унитаз. Система откручивала свои алгоритмы быстрее, чем это обычно происходит. А его намётанный глаз сразу это увидел. Лучше бы они ничего не трогали, и всё бы как обычно сошло на нет. Но если кто-то начинает прятать хвосты, то это уже след. Правда, делающий это мог оказаться ему не по зубам, ну да проигнорировать это, он себе позволить не мог ни при каких обстоятельствах. Потом себе всю жизнь не простит. Дело чести. Хотя он и не пребывал в иллюзиях о порядке царящем в обществе, в отличие от большинства обывателей. Работа не позволяла. Он знал, что его могут сожрать, если что. Уже несколько раз он ходил по краю, но пока что везло.

Именно это и придавало азарта его профессии. Если бы не этот риск, то он бы возможно давно улетел исследовать космос. Бумажная офисная работа не была такой уж безобид-

ной. А тут наклёвывалось интересное дело.

Он не всё рассказал Вике. Система засекала траекторию движения уходящего с того самого места транса. Но потом, внезапно и совершенно нелогично, посчитала эту информацию не относящейся к делу и обнулила. Теперь этих данных вообще не было. Но он успел их увидеть и запомнить, потому что сразу взял на контроль дело о похищении. Правда, транс отследить так и не удалось. Опознавание не сработало. Что тоже было более чем странно.

Его всю жизнь убеждали что система, конечно, не совершенна, но непогрешима. Что она, в отличие от человека, работает честно и неподкупно. Её нельзя запугать и сбить с толку. Да, она не всё может, но она гораздо эффективнее человека, потому что не позволяет вмешиваться в её алгоритмы.

Но он уже не раз замечал манипуляции, которые не могут быть вызваны ошибкой системы или несовершенством алгоритмов. Это было вмешательство извне. Да и странно было бы, если бы всю правовую систему отдали на откуп искусственному интеллекту и не оставили себе никаких лазеек и рычагов влияния. Вопрос только в том, кто за эти рычаги дёргает и с какой целью. И больше всего ему хотелось вытащить этого манипулятора на свет божий и продемонстрировать обществу. Кем бы он ни был. Даже если это будет стоить ему карьеры, а возможно и жизни.

Он понимал, что обладает, по сути, преступным умом, и асоциальным строением личности. Поскольку он понял это

давно, то сумел придумать, как обходить алгоритмы тестирования и скрывать это. Судьба сложилась так, что имея тягу разрушать систему, он сейчас работал над её сохранением. Но и здесь он нашёл отдушину. Обратил тягу к разрушению на благо обществу и старался найти тех, кто этой системой манипулирует и использует ради личных целей.

Он знал, что вряд ли умрёт своей смертью в тёплой постели. Это была не его судьба. Он всегда бросал вызов, пусть и не явный. Заложенный внутри него протестный потенциал и тяга к разрушению были подобны складу с взрывчаткой, нужно было только поджечь фитиль. И этот последний случай был именно таким фитилём. Слишком много ошибок наделали те, кто похитил этого парня.

Система их заметила. Потом они стали подчищать хвосты и ещё больше наследили. Этот клубок можно будет размотать. Пока не очень понятно как, но он знал, что если ниточка есть, за неё нужно просто очень аккуратно тянуть и смотреть что ещё вылезет на белый свет.

В бумажной папке по этому новому делу было уже четырнадцать страниц. Это беспрецедентно. Бывало, что дело и за несколько лет не набирало столько информации, а тут за день. Да, пока что всё вилами по воде, да пока что всё косвенно и одни догадки и подозрения. Но и этого уже много.

Опознать транс не удалось, но вот зато установить его модель было возможно. Он распечатал несколько скриншотов на бумаге, прежде чем данные с камер исчезли в результате

«технического сбоя», который его совершенно не удивил и являлся лишним следом, который можно взять.

Используя распечатку, удалось установить модель трансa. И на такой результат он даже не рассчитывал. Это была особая модель, выпускавшаяся ограниченным тиражом и распространявшаяся исключительно по подписке. Список подписчиков получить удалось, и он, мягко говоря, впечатлял.

Эти транскапсулы изготавливали для силовых структур. Как государственных, так и частных. Технические характеристики у них были повышены за пределы и нормы, устанавливаемые для обычных гражданских капсул. Скорость, запас хода, прочность, часть были бронированными. На многих даже были слоты под вооружение. Это было вообще за гранью. Даже он, работая следователем, ни разу не видел вооружённых транскапсул в городе. А эти были не военными, а именно городскими и легко терялись среди таких же, но обычных, городских летающих машин. Ну, разве что, выглядели дорого. Как транспорт для богатых.

Как найти ту которая нужна, было пока что не понятно, но пара идей у него была. Он решил заняться этим завтра.

Утром он позвонил Вике, чтобы узнать, не вспомнила ли она чего-нибудь ещё. По крайней мере, это была официальная версия, в которой он и сам себя пытался убедить. Вика сказала что нет, но сам тон разговора ему показался странным. Как будто она не в себе. Он спросил, всё ли в порядке?

Она ответила, что нет, но это к делу не имеет отношения. Он всё равно попросил рассказать и она рассказала. После этого он сказал, чтобы она ждала его дома, и срочно вылетел к ней. Всё это просто не могло быть случайностью.

Вика встретила его в халате и с кружкой чая в руке.

– Вам налить чего-нибудь? – спросила она первым делом.

– Да, налейте. На ваш вкус. Я не гурман и обычно соглашаюсь на любую халяву, – и он ей искренне улыбнулся.

Но его улыбка не встретила понимания, Вика на него укоризненно посмотрела и отправилась на кухню. Он подошёл к окну. Судя по всему, квартирка была не дорогая, потому что вид из окна был на глухую стену. Вика вернулась через минуту с двумя кружками в руках. Своей и той, что налила следователю.

– Простите, – сказала она, – я так до сих пор и не знаю, как вас зовут, – и она протянула ему его кружку, – это чай. Я сахар не сыпала, у меня его нет, так как сама не употребляю.

– Сойдёт, – пренебрежительно махнул он рукой, – а насчёт имени это моё упущение, простите, я должен был сразу представиться, но зарпортовался. Меня зовут Виктор, – и он протянул ей руку.

Она не ответила на рукопожатие, а только стояла и пристально на него смотрела. Наконец сказала:

– Вы надо мной издеваетесь? Зачем вы приехали?

Он кивнул и полез во внутренний карман. Достал бумажник, из него вынул удостоверение и протянул Вике.

– Мог бы показать электронное, но думаю, что физическое, которое можно повертеть в руках, вас больше убедит.

Вика поставила его кружку, которая до сих пор была у неё в руках на стол, взяла удостоверение и принялась внимательно изучать.

– Вас смутило, что у нас одинаковые имена, только в мужском и женском варианте? Думали, что я над вами решил подшутить, а на самом деле у моего визита совсем другие цели? Интересно. А что навело вас на эти мысли?

Вика вздохнула и вернула ему удостоверение.

– Вы сказали, что произошедшее сегодня не случайность. Я сначала не поверила и решила что это просто совпадение, – сказала она, – но то, что произошло дальше... я даже не знаю как сказать. Мне до сих пор кажется, что это какой-то розыгрыш. А тут ещё вы со своим именем. Всё это укладывается в тот абсурд, который творится со мной уже второй день.

– Уверяю вас, – сказал Виктор, – что с именами действительно совпадение, и в нём я не вижу ничего особенного. Я же ещё вчера знал, как вас зовут, но мне даже и в голову не пришло, что это моё имя в женском варианте. А вы вон как остро среагировали, – не дождавшись пока Вика отдаст ему чай, а она видно про это просто забыла, он сам подошёл и взял со стола предназначавшуюся ему кружку, – расскажите всё по порядку, а потом я вам скажу, почему приехал сюда, идёт?

Вика кивнула и начала:

– Утром я, как всегда, встала на работу. Несмотря на всё произошедшее вчера, я не могла себе позволить прогул. Да и отпрашиваться не очень-то хотелось, можно попасть под горячую руку и вылететь с работы, ведь официального повода, кроме распухшего носа, у меня нет, – Вика потрогала свой нос, скривилась от боли и кисло улыбнулась.

Нос у неё после удара и правды был распухший. Не сильно, но вполне себе заметно.

– А потерять работу я себе позволить не могу, – грустно сказала она, – ну так вот, не успела я встать, как мне позвонили и сказали, что я уволена. На мой вопрос почему, сказали, что плановое сокращение штата. Выплатили положенную компенсацию за срочное увольнение и на этом всё. Я внезапно стала безработной. Я думала, что вчера выплакала все слёзы, но оказалось, что нет. Провалившись в постели пару часов и промочив слезами подушку насквозь, я решила, что меня прокляли. Не может всё это случиться с одним человеком за столь короткий промежуток времени. Потом я решила, не откладывая, начать поиск новой работы, встала с постели, но тут позвонили вы.

– Но я так понимаю, что после нашего разговора случилось что-то ещё? – спросил Виктор.

– Да. Мне перевели деньги за увольнение, а через некоторое время пришло сообщение, что все мои счета заблокированы, потому что я, якобы, уклонялась от налогов и теперь должна предстать перед судом, – сказала Вика.

– Любопытно, – Виктор ловил каждое слово, – продолжайте!

– Потом позвонил мой арендодатель и сказал, чтобы я срочно освободила квартиру, до завтрашнего дня. Неизрасходованные деньги за аренду обещал вернуть, но что толку, если у меня все счета заблокированы? – Вика замолчала и пристально посмотрела на Виктора, – а вы не могли бы не так очевидно радоваться моим несчастьям? – сказала она.

– Я не радуюсь, – сказал Виктор, широко улыбаясь.

– Ну как не радуется, когда у вас вон, рот до ушей? – Вика начинала злиться.

– Да нет, с чего вы взяли? – сказал Виктор, продолжая улыбаться.

– Я вам сейчас плесну кипятком в лицо! – у Вики начали сдавать нервы.

Виктор начал осознавать, что и в самом деле потерял контроль над своим лицом, но ничего не мог с этим поделать. Мысли летели стремительным хороводом, и ему не удавалось их никак удержать. Лучшее что он придумал, так это прикрыть рот рукой.

– Простите, – наконец сказал он, частично справившись с эмоциями, – один вопрос. Что для вас важнее, найти вашего друга, или все вот эти бытовые неурядицы?

– Что за вопрос! Конечно, жизнь Сергея это главное! Остальное, конечно, плохо, но плевать. Если бы вопрос стоял об обмене, я бы, махнула не раздумывая, но ведь дело не

в этом, верно? – спросила Вика.

– Да, не в этом, – согласился Виктор, – прошу меня простить за проявленную неуместно радость, сейчас я всё объясню. Дело в том, что происходящее с вами не может быть ни случайностью, ни совпадением. Это всё каким-то образом связано с похищением вашего друга. И все эти события, это следы. Не понимаю, зачем им понадобилось разрушать вашу жизнь, но каковы бы ни были их мотивы, это большая ошибка. Им нужно было исчезнуть, а они, как нарочно, хотят засветиться. Вы уж меня извините, но я проеду по всем вашим устроителям неприятностей. Загляну на работу, потом к арендодателю, потом в банк. Глядишь, что и нарою. Не думаю, что смогу сейчас отменить их решения, да и нет такой цели, но пошурудить, как следует, постараюсь. Если повезёт, то спровоцирую противника на ещё какие-нибудь необдуманные действия.

– Противника? – ошарашено спросила Вика.

– Именно. Думаю для того, кто всё это делает, противник самое подходящее название. А что касается вас, то я сниму вам комнату и дам денег на первое время, – сказал Виктор.

– С какой это стати? – удивилась Вика, – нет, ни в коем случае, я этого принять не могу!

– Можете. Придётся, потому что у вас не будет выбора. Вам перекрыли кислород!

– Вы опять радуетесь! – гневно сказала Вика.

– Не обижайтесь! – попытался сгладить свою радость Вик-

тор, – я очень азартный человек. Для меня деньги не самоцель, иначе бы я занимался чем-нибудь другим. У меня сейчас ощущение, что я преследую хищника, и после вашего рассказа я увидел, как в зарослях мелькает его хвост. Для меня сейчас это главное. Я постараюсь вас спрятать. Оформлю всё на своё имя. Система вас всё равно будет видеть, но возможно, что у тех, кто за вами наблюдает, всё-таки не полный доступ и не хватит возможностей, чтобы контролировать всё. Если повезёт, то для них вы исчезнете.

– А если они так сильны, что и вас возьмут в оборот? Что тогда? – спросила Вика.

Виктор пожал плечами.

– Тогда и будем думать. Но я давно этого жду. Рано или поздно, это должно случиться. Морально я готов. Но одно дело разрушать жизнь девушки дизайнера, а совсем другое следователя. У меня есть рычаги, за которые я могу подёргать. А кто знает, что тогда выплывет наружу?

Вика задумалась.

– Ладно, и последний вопрос, – наконец сказала она, – если бы я была мужчиной, вы бы предложили мне точно такую же помощь?

– Что касается расследования, то да, – не задумываясь, ответил Виктор, – а вот что касается материальной составляющей, то вряд ли. Но это вовсе не значит, что я собираюсь поставить вас в зависимое положение и затащить в постель. Без обид.

Вика удивлённо развела руками, мол, почему я должна обижаться?

– Просто, помогать попавшим в беду девушкам, для мужчины, это вполне себе естественно. Может в подсознании и лежит мысль о награде, но настолько далеко, что я её не вижу. Началась охота, а тут уже не до романтики.

Вика подумала ещё немного и кивнула.

– Хорошо, я принимаю вашу помощь!

Вика покидала в большую спортивную сумку вещи, которые могли ей понадобиться на первое время. Виктор настаивал, чтобы она взяла только необходимое, чтобы это не выглядело как переезд или бегство. Всё должно быть естественно, как будто она пошла на тренировку. Собравшись, они договорились встретиться на парковке. Виктор ушёл первым, Вика через десять минут. Поплутав по паркингу, она, наконец, наша его транс, припаркованный за большой колонной. Когда она подошла, дверь услужливо распахнулась.

– Ну, вы и спрятались, – сказала она укоризненно.

– Это место не попадает в поле зрения ни одной из камер, – сказал Виктор, – чем меньше информации о нас попадёт в систему, тем лучше. Да, она может проанализировать, куда вы пошил, и какой транс оттуда выехал, но для этого перед ней должна встать такая задача. Система не анализирует всё подряд. Для этого никаких вычислительных мощностей не хватит.

– Странно всё это, – сказала Вика.

– Что именно? – не понял Виктор.

– Когда Серёжку похитили, ваша система увидела слишком мало. А теперь, по вашим словам, она может засечь каждый наш шаг.

– Система получила достаточно данных для продолжения следствия, но кто-то вмешался и скорректировал их. А сейчас система будет нас игнорировать, но на всякий случай, лучше не оставлять лишних следов. Не будем упрощать жизнь тем, кто может захотеть нас отследить, тем более, если они могут залезать в систему.

Они прилетели на стоянку для арендных трансов и пересели в другую капсулу. После чего, через полчаса пути, сменили транспорт ещё раз. Вика давно перестала понимать, где они находятся. Не знала даже в какой части города. Она сидела и пялилась в окно, глядя на проплывающие там быстро окна и витрины. Судя по ним, они были не очень высоко. Уровень ниже середины города. Магазины были не самые дорогие.

Глава 4. Начало игры

Виктор привёз её на один из нижних уровней, в довольно запущенную жилую зону, где почти не было камер. Это был не самый низ, не асфальт, где вчера случились все неприятности, но негативные ассоциации всё равно возникли.

Оставив его транскапсулу на стоянке, они долго шли по переходам между секциями, пока, наконец, не добрались туда, куда было нужно. За страшной снаружи, но как оказалось, добротной изнутри железной дверью с множеством замков, оказалась вполне себе чистая и обустроенная квартира. Маленькая, но уютная.

– Я соврал, – сказал Виктор сразу, как только они вошли. Вика резко насторожилась и взглянула на него с опаской, – это не арендное жильё, а моё. Резервное, так сказать, но, по сути, это ничего не меняет.

– А почему сразу было не сказать? – удивилась Вика.

– Сразу, я и сам не знал, – Виктор развёл руками, – сначала и в самом деле думал арендовать. Эта квартира у меня на случай неприятностей. Про неё никто не знает, даже система. Мы шли сюда по маршруту без камер, так что вы пока что потерялись для города, он вас не видит и не знает где вы.

– Честно говоря, мне несколько неуютно, – сказала Вика и поёжилась, – со мной сейчас может произойти всё что угод-

но, и об этом никто не узнает...

– Как вы могли убедиться, всё что угодно может произойти в любой момент и в любом месте. Советую вам остаться здесь, пока мы не выясним, что происходит и что нужно от вас этим людям. Продукты я вам привезу. Сидите здесь, никуда не выходите, для связи используйте только стационарный коммуникатор и звоните только мне. Тогда эти звонки будут проходить мимо системы.

– А как же мой? – Вика полезла в сумочку и начала там рыться.

– Не трудитесь, я его незаметно вытащил и оставил у вас дома, на диване под подушкой. Побоялся, что вы не захотите с ним расстаться и принял меры. А это было важно, чтобы вас спрятать.

Вика села на стул.

– Это всё происходит не со мной. Я иногда включаюсь в эту игру, но стоит остановиться, как нереальность происходящего обрушивается на меня со всей своей фантазмагорической абсурдностью...

– Сильно сказано! Но это не я уволил вас с работы, заблокировал счета и выселил из квартиры. Думаю, что это всё можно вернуть, если прижать хвост тем, кто на вас давит. А давят на вас, скорее всего потому, что вы начали настаивать на следствии и поисках Сергея. Эти люди хотят, чтобы вы захлебнулись в собственных проблемах, и вам было не до похищения, – сказал Виктор.

– Не слишком ли много внимания моей скромной персоне? Я не так для них опасна, учитывая, что я даже не представляю, кто это может быть, – устало сказала Вика.

– Им до вас нет дела. Наверняка, работает отлаженная схема. Если остаётся свидетель их дел и начинает обращаться в милицию, пытаться докопаться до истины, то включают протоколы. Их должно быть несколько, в зависимости от степени угрозы. От мягкого разрушения привычной жизни, как с вами, до убийства, в особо сложных случаях, – сказал Виктор.

– Должна признаться, что в данный момент я вас боюсь не меньше чем их, – созналась Вика.

Виктор удивлённо пожал плечами и вздохнул.

– Извините, если проявил мало деликатности, я старался действовать по ситуации и не терять времени. Вы можете уйти из квартиры, ключи я вам оставлю. Но делать этого категорически не рекомендую. Кроме того что я работаю в милиции, у вас нет оснований мне доверять, но я прошу подождать хотя бы сутки. Думаю, за это время я сумею что-нибудь прояснить.

– Вы уверены, что меня здесь нельзя найти? – спросила Вика.

– Смотря кто будет искать. Если бы вы украли секретные правительственные разработки оружия, то вас нашли бы за три минуты, и мы бы уже слышали сирены. Но к этим ресурсам нет доступа у простых смертных. Наша система это про-

сто электронные часы по сравнению с системой госбезопасности. Но её использовать для вашего поиска никто не будет. Вы же не крали секретных разработок?

Вика отрицательно покачала головой.

– Ну вот. А как работать с городской системой я знаю, так что думаю, вы пока что в безопасности. Ладно, мне пора, наведаюсь к вам на работу первым делом. Интуиция говорит мне, что там я быстрее всего раскручу на признание ваше начальство.

Виктор направился к дверям.

– А зачем вам тайная квартира? – спросила Вика.

Виктор обернулся.

– Большинство преступников нарушают закон не из-за денег, а из-за склада характера. Им нужен риск и борьба. Я такой же, только по другую сторону. Да сторона не так и важна. Я не борец за правду, а азартный человек. Но мой азарт приносит пользу обществу. Это даже приятно. Чем крупнее и опаснее рыба, тем мне интереснее. Для этого и квартира. Я далёк от иллюзии, что умру в своей постели. Слишком часто приходится бросать вызов. Как-то так.

– Выходит, мне с вами повезло? Не все следователи ведь такие, да? – сказала Вика.

– Не факт, что повезло. Вы могли пройти через все свалившиеся на вас неприятности, преодолеть их и заново наладить свою жизнь. Но теперь мы вступаем в противостояние, и чем всё закончится неизвестно. Но я ведь давал вам

выбор, и вы выбрали борьбу, – сказал Виктор.

– Да? Когда это? – удивилась Вика.

– Когда я спросил вас, что вам важнее, жизнь Сергея или собственное благополучие. Вы ведь ответили не раздумывая, так что я взял вас в оборот.

– А, да! Точно! Конечно! Простите, я совсем запуталась... – сказала Вика, – ну значит, борьба, так борьба.

– Всем, что найдёте в холодильнике или на полках можете пользоваться. Но там, правда, всё длительного хранения, сами понимаете. Однако это лучше чем ничего. А вечером я привезу вам нормальных продуктов. Да, совсем забыл, если зазвонит телефон, то берите трубку, это буду я. Больше сюда никто не может позвонить. Теперь, вроде, точно всё.

Виктор огляделся по сторонам, как бы проверяя, не забыл ли ещё чего-нибудь. Ничего не вспомнив, он кивнул сам себе и вышел за дверь, оставив Вику одну. Она посидела пару минут, глядя в одну точку, потом встала, подошла к дивану и повалилась на него, уткнувшись лицом в спинку. Мыслей в голове не было вообще. Ни одной. Звонящая пустота. Её мозг оказался не готов к такому объёму новых данных и встал на паузу. Незаметно для себя она уснула.

***

Сергея переводили из камеры в камеру через равные промежутки времени. Каждый раз, он совершенно не мог понять, в ту же камеру его возвращают или приводят в другую. Он пытался оставлять метки, но возвращаясь не находил их.

Либо это всё же были другие камеры, либо в них очень тщательно убирались.

Кормить его продолжали исключительно хлебом и водой. Он даже к этому начал привыкать и воспринимал как определённую диету. Многие его знакомые сходили с ума на питании и чего только не ели, или, наоборот, от чего только не отказывались. Хлеб и вода? Отлично, на этом можно жить.

Морить голодом его, вопреки первоначальным опасениям, не стали, но вот зато недостаток информации был ничуть не лучше. Тишина и стерильность камер, скудная, но регулярная пища, были одной стороной медали. А вот второй стороной была его внутренняя жизнь, которая проходила каждый день по очень широкой амплитуде: от паники и отчаяния, до равнодушия и апатии.

Постепенно в нём сложилось стойкое убеждение, что он стал частью какого-то эксперимента. Что он находится под непрерывным наблюдением, неизвестно кого. Самых убедительных для него вариантов было три. Первый, что это какое-то телевизионное шоу, где людей выдёргивают из жизни и подвергают изоляции, а впоследствии и другим трудностям. Слабым местом этой версии была правовая сторона вопроса. Неужели и впрямь телевизионщики так зарвались, что похищают людей на улицах? Тогда, чтобы сгладить все претензии, им придётся платить крупную неустойку участникам шоу. А ведь некоторые могут и не согласиться, пойти на принцип и начать судиться с телеканалом.

Второй вариант, что его похитила некая криминальная структура и тоже проводит некие, пока что непонятные ему опыты. Это было гораздо хуже первого варианта, потому что там всё могло кончиться благополучно, а здесь уже вряд ли.

Ну и третий вариант был такой, что он стал частью какого-то правительственного эксперимента. Его изучают, наблюдают за всеми его действиями, возможно, моделируют разные поведенческие реакции в сложных ситуациях.

Независимо от того варианта, который имел место быть, в одном Сергей не сомневался. А именно в том, что за ним постоянно наблюдают. Сам того не желая, он все свои действия соотносил с тем, что его видят. Это было что-то похожее на квантовую физику, насколько он имел о ней представление. Объект наблюдения ведёт себя иначе, когда на него смотрят. Он чувствовал, как меняется его поведение, от осознания постоянного визуального контроля за ним.

Из-за этого он даже сначала испытывал проблемы с использованием туалета. Частенько не мог сходить по нескольку раз, и приходилось доводить себя до крайней степени желания. Но, постепенно привык и к этому.

Это была восьмая смена камеры, если он не сбился со счёта. А он, скорее всего, не сбился. Войдя, он привычно повалился на свою «кровать», не обращая никакого внимания на охранника, который, как всегда, был абсолютно неразговорчив. Охранники были настолько типичные, что выглядели как близнецы, хотя Сергей был уверен, что приходят раз-

ные. Может иногда и бывают одни и те же, но в основном они менялись.

После ухода охранника, он лежал и смотрел некоторое время в потолок, пока в глубине души не шевельнулось какое-то странное чувство. Что-то было не так. Он сел и осмотрел комнату. Проверил метку под кроватью, её там, разумеется, не было. Прошёлся из угла в угол, не понимая, что его насторожило.

«Звук!» – эта мысль прозвучала в его голове оглушительно как выстрел возле уха. Был какой-то не такой звук, когда ушёл охранник. Он быстро подошёл к двери. Так и есть. Она не заперлась. Чуть-чуть, но она не была прижата плотно, оставался маленький зазор. Сергей протянул руку, чтобы её толкнуть, но в последний момент отдёрнул.

Стоит ли это делать? Это то, чего от него хотят, или наоборот то, чего не хотят? Или это, в самом деле, случайность и недосмотр охранника? Это шанс, или ловушка? Он сел на кровать. Мысли путались. Сердце бешено колотилось. Сергей пытался просчитать варианты, но не мог сосредоточиться.

Может, это фантазия и дверь всё равно заперта? Но если он это проверит, а она окажется открыта, то придётся решать. Пытаться сбежать или ждать здесь, что ему уготовили. И то, и то – выглядело плохо. Если за ним наблюдают, то далеко он не убежит. Да если и не наблюдают тоже. Он глубоко под землёй, если кнопки в лифте не были декорацией. А

он был уверен, что нет и всё по-настоящему. Как он тогда отсюда выберется? Он даже лифт не найдёт.

Внезапно, ему всё стало ясно как белый день. Если он не знает, что всё это означает, то нужно перестать себя мучить и выбрать один вариант. Тогда все дальнейшие действия нужно будет предпринимать исходя из него, и не стоять перед сложным выбором каждый раз.

Сергей выбрал телешоу. Он буквально увидел людей, которые сидят у экранов телевизоров и наблюдают за ним. Возможно, даже Вика среди них. С ней, наверное, уже связались и всё рассказали. А теперь все, кто смотрят это шоу, недоумевают, почему продюсеры выбрали на главную роль такого унылого персонажа. Сидит и даже не может толкнуть дверь, чтобы проверить заперта она или нет.

Все дальнейшие действия стали понятны. Нужно просто играть в эту игру, и тогда в конце, если он всё будет делать правильно, его ждёт приз. Но даже если он и не дойдёт до конца, гонорар за участие должен быть впечатляющим, чтобы избежать иска за похищение.

В любой игре есть правила, подсказки и лазейки, чтобы игрок мог двигаться по сюжету. В игре, в отличие от жизни, не бывает тупиковых ситуаций. Всегда есть на что надеяться. И как он раньше до этого не додумался?

Сергей встал, уверенно подошёл к двери и толкнул её со всей силы. Дверь широко распахнулась. Он практически услышал аплодисменты сидящих у экрана зрителей, которые

облегчённо радуются тому, что дело, наконец, сдвинулось с мёртвой точки. Ему даже захотелось раскланяться, но он сдержался.

«Что ж, попробуем разобраться в этом квесте», – одними губами прошептал Сергей, и представил, как камера крупно взяла его лицо и многие люди смогли прочитать по губам, что он сказал.

Он осторожно выглянул в коридор. Там было пусто и светло. В обе стороны коридор уходил вдаль. Всё это Сергей видел буквально несколько минут назад. С тех пор ничего не изменилось. Он сделал шаг и оказался вне комнаты. Ничего не случилось. Не взвыла сирена, не раздались шаги топающей торопливо охраны. Тишина и покой.

Сергей на секунду задумался, вспоминая, с какой стороны он пришёл с охранником. Точно справа, сомнений быть не может. Там не было ничего интересного. Он решительно повернулся и пошёл налево.

Шёл быстро, но спокойно, без суеты, не скрываясь. Прятаться здесь всё равно было некуда. Если уж заметят его, то заметят. А пригибаться и бежать от стены к стене, это будет смешно выглядеть, а на него всё-таки зрители смотрят.

Он шёл и шёл, время от времени толкая двери, то с левой стороны, то с правой. Все они были закрыты. Дойдя до перекрёстка, он решительно повернул налево, решив придерживаться тактики левого поворота. Если это лабиринт, то он, по крайней мере, будет двигаться в нём по системе.

На следующем перекрёстке он тоже свернул налево. Потом ещё раз, и ещё. Однообразие коридоров, наконец, нарушилось, и он увидел вдалеке открытую дверь. Первоначальная радость от того, что он нашёл хоть что-то, неважно что, хоть даже и пост охраны, сменилась горьким разочарованием.

Он физически слышал в ушах хохот зрителей, как будто здесь были установлены динамики, и ему транслировалась зрительская реакция. Даже не доходя до нужного места, он уже знал, что это его камера, из которой он совсем недавно вышел.

Так оно и оказалось. Хотя, конечно, это могла быть и другая. Все, в которых он был до этого, были как две капли воды похожи, если, конечно, он не возвращался в одну и ту же. Но если учесть тот факт, что он вообще впервые видел здесь, за всё время пребывания, оставленную открытой дверь, то даже последние робкие сомнения развеивались.

Остановившись возле своей камеры, он недолго подумал. Оставленная открытой дверь сильно привлекала внимание. Зайти обратно мысли даже не возникло, но если он дверь закроет, то такой возможности не будет в принципе. Даже если она не заперётся, то он её просто не найдёт.

Станным образом, в сложившихся обстоятельствах эта камера была уже знакомым островком стабильности, а после того как он уйдёт, его ждёт неизвестность. Терять стабильность было страшно. Первый раз он сделал это под влияни-

ем импульса, но теперь, после возвращения, рушить этот мостик не хотелось.

Опять помогли мифические зрители, которые, как ему казалось, наблюдают за ним. Они и так-то были не высокого мнения об его способностях, но эта нерешительность совсем опускала его в их глазах.

Он решительным жестом закрыл дверь. Проверил на всякий случай, она оказалась не заперта. Это его немного согрело, но он твёрдо решил не возвращаться и не менее решительно, чем в первый раз, направился по коридору в ту же сторону.

В этот раз он прошёл перекрёсток прямо. Довольно долго ничего не менялось. Потом попался ещё один перекрёсток, и на нём тоже он не стал сворачивать. Вопреки собственной воле, в голове он всё равно пытался запомнить обратный маршрут на всякий случай, и пока что это было не сложно. Главное будет после нужного перекрёстка найти дверь. Он гнал от себя трусливые мысли о возвращении в камеру, но прагматик глубоко внутри настаивал на том, что не стоит отбрасывать никакой вариант. Умереть в пустынных коридорах от жажды тоже было вполне возможно, потому что пустота, царящая здесь, пугала не меньше, чем испугало бы чьё-то внезапное присутствие.

Впереди он увидел конец коридора. Сначала показалось, что это тупик, но нет, это был поворот направо. После поворота, метров через сто, Сергей вышел в большой холл с

лифтами. Их было пять штук, совершенно одинаковых.

Пришла мысль, что когда его вели от лифта в камеру впервые, то путь был гораздо короче. Значит, его всё-таки переводили из камеры в камеру. Или это другой лифтовый холл? Сергей огляделся. Как ни старался, но не получалось вспомнить, здесь он был или нет, когда его привезли в это место.

Немного удивляла обыденность происходящего, это всё было не очень похоже на побег после похищения. Он подошёл и нажал кнопку вызова.

Глава 5. Игра продолжается

Когда приехал лифт, и створки разъехались в стороны, внутри оказалось светло и пусто. Внезапно накатило ощущение, что он единственный оставшийся в живых человек во всём мире. Случилась катастрофа и всё человечество погибло, остался только он один. Иначе, как объяснить это запустение? Хотя, когда его сюда привезли, здесь тоже никого не было. И когда уводили из камеры, то он не видел ни одного человека. Возможно, это просто такое место.

Тут Сергей вспомнил про зрителей своего шоу и уверенно шагнул внутрь лифта. То же самое множество кнопок. Зачем их столько? Можно же было сделать клавиатуру, как везде, и просто набирать нужный этаж. Как и в прошлый раз было несколько сотен кнопок с минусом, потом ноль и три этажа без минуса.

Сергей нажал ноль. Ничего не произошло. Точнее произошло, но он не сразу это заметил. На самом верху загорелся экранчик с надписью: «Право доступа не подтверждено, отпечаток пальца не распознан. Попробуйте ещё раз». Внутри у него всё опустилось. Вот так, внезапно и бесславно закончился его побег. Что теперь делать? Идти с виновато опущенной головой к себе в камеру? Или поискать лестницу, по которой придётся подняться на пятьсот этажей? Да вряд ли

такая здесь существует.

Он стал наугад тыкать в разные кнопки, начиная сверху, и каждый раз вспыхивала одна и та же надпись: «Право доступа не подтверждено, отпечаток пальца не распознан. Попробуйте ещё раз». Мелькнула мысль, есть ли здесь ограничение на количество попыток, после чего будет объявлена тревога и его заблокируют внутри лифта до прибытия охраны.

Он так отчаянно тыкал по кнопкам, что даже не заметил, что одна из них загорелась зелёным. После этого на остальные нажатия лифт перестал реагировать, табло больше не загоралось, и Сергей с удивлением понял, что он едет. Лифт двигался вверх. Мягко, едва уловимо, но он определённо ехал вверх, на минус двести пятьдесят шестой этаж.

Накатила волна радости, которая тут же сменилась тревогой. А куда он едет? Что его там ждёт? Почему именно этот этаж не заблокирован и для него не берут биометрические данные? Сколько тут таких открытых этажей? Вряд ли он попал на единственный существующий.

Наверное, это этаж охраны, а зачем ограничивать к нему доступ? Любой беглец, попавший туда, будет сразу пойман.

Сергей подумал, что опять забыл о том, что это телешоу. Он решил, что если на этом, двести пятьдесят шестом этаже всё пройдёт хорошо, если его не схватят сразу, а он найдёт какой-нибудь выход – тогда это будет точно телешоу, вне всяких сомнений.

Он вдруг подумал, что весь его свободный выбор это ил-

люзия. Открытая дверь, не его заслуга. По коридорам он ходил до тех пор, пока не нашёл лифт. Было подозрение, что если бы он исходил все коридоры во все стороны, то всё равно кроме лифтового холла бы ничего не нашёл. Да и в лифте, есть ли другие активные для него кнопки? Или все кнопки это бутафория, а придет он всё равно в одно и то же место, независимо от цифры, горящей зелёным цветом.

Да! Его ведут по сценарию, а он по этому сценарию идёт как подопытная крыса в лабиринте. Без всяких сомнений, это телепроект. Наверное, какой-то новый, ему просто повезло попасть в пилотный выпуск.

Но, с успокаивающей мыслью о телевидении всегда спорила другая. «А что если нет? Что тогда? Вдруг это всё неправду, и ты сам не понимаешь, во что вляпался?»

Независимо от того что было правдой, а что нет, приходилось следовать по этому пути. Сергей с тревогой стоял и ждал, когда створки лифта откроются. Наконец лифт остановился, и они поползли в стороны.

***

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите? – руководитель отдела, в котором работала Вика, довольно молодая девушка, судя по всему занимающая своё место не за профессиональные качества, была очень напугана и сбита с толку, – с каких это пор милиция занимается вопросами увольнения сотрудников в частных фирмах? – руки у неё дрожали, она не знала что делать.

– Ваши фирма не частная, – Виктор удивлённо поднял брови, удивляясь неосведомлённости собеседницы, – она с государственным участием и работает на госконтрактах. Но дело не в этом. Идёт следствие, и нам нужна информация. Вы эту информацию можете предоставить, но не хотите сотрудничать. Может вам самим есть что скрывать? Чего вы боитесь?

– Я ничего не боюсь! – с вызовом сказала девица, – но не думаю, что мы должны отчитываться в причинах увольнения своих сотрудников!

Виктор устало откинулся на спинку стула.

– А есть тут у вас кто-нибудь поумнее... простите, поопытнее и старше по должности, – спросил Виктор, умышленно стараясь её задеть.

Девица вспыхнула.

– Разговаривайте со мной! Больше никого нет!

– Вы, наверное, думаете, что я пришёл к вам от избытка свободного времени. Что мне просто заняться нечем. Я живой человек, я на работе и терпение у меня не безграничное. Если меня разозлить, а я очень не люблю злиться, так вот, если меня разозлить, то я могу и отомстить потом. Например, ваша компетентность вызывает сомнения, а зарплату вы получаете от государства, пусть и через прокладку. И что-то мне подсказывает, что зарплату завышенную. Уж не знаю благодаря чему: родственным ли связям или особым навыкам в постели... по вашей реакции вижу что второе. Вы

правы, это не моё дело. Но есть те, кто с интересом рассмотрят эту ситуацию. Есть профильный комитет, который как раз занимается такими вопросами. А у нас, знаете ли, тесные взаимовыгодные связи. Мы им помогаем в сложных случаях, они нам. Думаю, ваше дело их заинтересует. А если даже и нет, то я настоятельно попрошу в нём разобраться. Негоже разбазаривать государственные деньги на некомпетентных сотрудников.

Руководитель отдела молчала, яростно глядя на Виктора, и часто дышала, раздувая щёки. Судя по всему, это было первое серьёзное испытание за всю её жизнь. До этого она жила легко и непринуждённо, хорошо зарабатывала и ни в чём себе не отказывала. У этого конечно была своя цена, но и её она воспринимала органично, как часть заведённого порядка вещей. И тут такое – шантаж и угрозы.

– Что вам нужно? – сквозь зубы прошипела она.

– Я вам свой вопрос озвучил с самого начала. Откуда поступило распоряжение уволить Викторию Мишину? – сказал Виктор.

– Вы не представляете, с кем вы связываетесь и кто я такая! – продолжала цедить сквозь зубы руководитель отдела.

– Ну почему же, очень даже хорошо представляю! Вы проститутка. Замаскированная под порядочную девушку, но проститутка. Вы продаёте свои услуги, но оплату получаете не напрямую, а через непомерно высокую зарплату, на должности, которой вы не достойны. И если вы думаете, что за

проститутку кто-то будет рисковать своей карьерой или репутацией, то сильно ошибаетесь. Как только с вами начнутся какие-то проблемы, вас просто вышвырнут на улицу. И всё! Сказка закончится. А если вы думаете, что тут же найдёте себе подобного спонсора, то это не так. Вы уже б/у. Ваша цена снижается с каждым месяцем. На ваше место стоит очередь из более молодых и красивых. Так что, я провозглашаю конец вашей счастливой жизни.

– Что вам нужно? – уже с наворачивающимися на глаза слезами и дрожью в голосе спросила руководитель отдела.

– Откуда поступило распоряжение уволить Викторию Мишину? – терпеливо повторил Виктор, – открою вам маленькую тайну, хотя и не нужно было бы. Некие силы разрушают жизнь Виктории. Вы в этом, не задумываясь, поучаствовали, потому что вам плевать на всех. А Виктория этого не заслужила. Вот вы, например, заслужили, а она нет.

– Она плохо работала, это решение назревало давно, – попыталась взять себя в руки и начать выкручиваться руководитель отдела.

– Вы что, думаете, я совсем дурак? Или что Виктория пришла в милицию и пожаловалась, что её уволили с работы? Нет, все эти факты всплывают в рамках другого дела, очень серьёзного, – Виктор встал, и устало вздохнув, собрался уходить, – я вас предупредил, и не тешьте себя мыслью, что после того как я уйду, всё закончится. Я вам отомщу. Я всегда мщу тем, кто не хочет помогать мне ловить преступников,

независимо от их внешних данных и половой принадлежности. Получается, что они и сами преступники. А значит, заслужили возмездие.

Виктор достал из кармана старомодную визитную карточку, какими уже лет двести никто не пользовался. На ней был только его номер и имя.

– Вот, – протянул он визитку девице, – если вдруг передумаете, то звоните. Но не советую вам сильно тянуть, потом процесс будет запущен и его уже будет не остановить.

Руководитель отдела тупо смотрела на визитку, она видно вообще не понимала что это такое, но автоматически взяла её в руки.

Это был один из любимых приёмов Виктора. Эти визитки, были своего рода крючком, на который он ловил рыбу. Можно было просто оставить контакты, но это не то. Он ушёл и разговор начнёт стираться из памяти, казаться не таким напряжённым, ситуация не такой острой. Но оставшаяся визитка служила физическим напоминанием о возникших проблемах. Те, кому он их оставлял, после его ухода подолгу вертели их в руках и постепенно, вместо того чтобы успокаиваться, наоборот начинали паниковать. Это был физический символ начинающихся проблем. Поэтому, раздавал он их только тем, на кого пытался оказать давление. Трудно было понять, работает ли это на самом деле, но ему казалось, что очень хорошо работает. Всегда, после того как он оставлял визитку, ждать долго не приходилось. Реакция

следовала в ближайшее время.

Естественно, прежде чем ехать к Вике на работу, он навёл справки. Про эту девицу всё было ясно с самого начала. И про то, что решение принимала не она, тоже. Можно было сразу пойти выше, но тогда не удалось бы достигнуть нужного резонанса. Хотелось вовлечь в это дело побольше людей и качнуть всех замазанных в этом за один заход. Конечно, она побежит жаловаться своему покровителю, через которого и пришло, скорее всего, распоряжение об увольнении. Иначе бы эта девица не стояла так насмерть, не желая называть того, кто отдал такой приказ. Так самоотверженно себя вести, такие могут только в одном случае, когда угроза может перейти на хозяина, а его подводить нельзя. Любого другого можно, а его нельзя. Это просто инстинкт самосохранения.

Предоставив им возможность вариться во внезапно возникших проблемах, Виктор направился в банк.

Там всё оказалось проще. Личный фактор уже не играл большой роли, многие процессы были автоматизированы, клерк, с которым ему пришлось общаться, был надрессирован на приветливость и дружелюбие. Ему платили за решение проблем, и он честно отрабатывал свои деньги, искренне стараясь помочь.

Поскольку запрос был из милиции, общался с Виктором старший менеджер смены. Посмотрев профиль Вики, он сказал, что внутренний робот заметил злоупотребления с финансами и заблокировал ей доступ ко всем её средствам.

– Ну и какие именно злоупотребления, если не секрет? – спросил Виктор.

– Здесь этого не видно... – с искренним сожалением в голосе сказал клерк.

– А если робот ошибся и лишил человека всех средств к существованию? Как быть в такой ситуации? – спросил Виктор.

– О нет! Наш робот не ошибается! Это очень продвинутая версия искусственного интеллекта! – гордо сказал клерк.

– Я работаю с системой безопасности города и кое-что в этом понимаю. Не бывает безошибочных программ. А это просто программа. Плюс ко всему, программу можно взломать...

– Но не нашу! – бросился на защиту клерк.

– И вашу тоже. Любую. А если и не сломать, то влезть и подкорректировать, если есть доступ. Отсюда вопрос. Человек лишён средств к существованию по решению робота, который непонятно чем руководствовался. Что делать? Не было ни суда, ни следствия, ни приговора. А человек может остаться без жилья и умереть с голода. Это же убийство будет. И всё по решению неизвестных алгоритмов, у которых даже показания взять нельзя?

Клерк совсем сник и повесил голову.

– И что вы предлагаете? – спросил он.

– Я предлагаю вернуть доступ к счетам Виктории Мишиной, – сказал Виктор.

– Это невозможно! – клерк пожал плечами, – робот работает изолированно и в его решения нельзя вмешиваться.

– Вам это не кажется странным? А если бы вы оказались на месте Виктории, и вам бы заблокировали все счета? Что бы вы делали? – спросил Виктор.

– Со мной этого не случится! Я законопослушный гражданин!

– Она тоже! – Виктор со всей силы хлопнул ладонью по столу.

Клерк не ожидал такого поворота, такой резкой смены интонации, и весь сжался. На этой работе на него ещё никогда не кричали посетители. Наоборот, всегда заискивали, потому что в банке были их деньги, а зачем злить сотрудника банка, вдруг он нажмёт какую-то кнопочку и с деньгами что-то случится? Мало ли? Каждый раз разговор с клиентами походил на взаимное облизывание и вычурную вежливость. Клиенты так вели себя из-за денег, а он из-за того, что его так надрессировали.

Правда, раньше к нему никогда не приходили из милиции. Все сложные вопросы решались наверху ведомства. А тут прямой визит в отделение банка. Он действительно не знал, почему заблокировали счета этой девушки, не мог это выяснить и не мог отменить. И за что ему всё это?

Виктор сидел и барабанил пальцами по крышке стола, о чём-то размышляя. Наконец, по всей видимости, принял решение.

– Значит так! Такие случаи нельзя оставлять без внимания. Придётся через правительство инициировать проверку всей банковской системы и использования в ней искусственного интеллекта. Даже одной разрушенной жизни для этого достаточно. Но, думаю, что когда мы начнём копать, выявятся тысячи подобных инцидентов. С этим нужно что-то делать.

Клерк сидел ни жив ни мёртв. Проверка всей банковской системы? И начинается вся эта заварушка здесь, в его кабинете? Или этот милиционер блефует? Не по силам ему инициировать такой масштабный процесс. Как будто прочитав его мысли, Виктор сказал.

– Любой человек может инициировать проверку работы систем, контролируемых искусственным интеллектом. Этому закону уже лет сто, и никто его не отменял. А введён он, потому что были прецеденты злоупотреблений. Такие как сейчас! – и Виктор ткнул пальцем в клерка, – понятно, что обычному человеку трудно запустить эту машину. Нужны серьёзные основания и ресурс. Но я ведь и не обычный человек. Я следователь по особо важным. Есть основания – разрушенная жизнь девушки. Есть необходимые знания для инициации такого процесса и ресурс. Придётся этим заняться!

В том, что говорил Виктор, была только половина правды. Точнее, это всё была правда, но практически не реализуемая. Запустить такой процесс было возможно, но очень

сложно. Нужно чтобы большие силы во властной вертикали этим озадачились. А такое было никому не под силу. Но ему это было и не нужно. Ему было необходимо разворошить осиное гнездо, вызвать ответную реакцию. Это была провокация, и теперь нужно было ждать результата. А в том, что он последует, сомнений не было. Они не смогут не отреагировать. Формальный повод требовать от них справедливости у него есть, каждый клерк на своём уровне будет пытаться уйти от сложного решения и передавать его наверх, как высоко уйдёт этот вопрос неизвестно, но реакция будет, это точно. Виктор положил перед клерком свою визитную карточку и направился к выходу.

Клерк сидел вжавшись в кресло, смотрел вслед уходящему следователю и в голове вертелась только одна мысль: «Почему я?».

Проще всего было с квартирным хозяином Вики. Тот сразу сдал всех с потрохами. Ему позвонили из жилищного департамента и потребовали выселить её в срочном порядке. Не освободить её квартиру, тогда можно было бы её переселить в другую, а именно выселить. Хозяин был частником, который занимался арендным бизнесом, и такое обращение с собой перенёс очень болезненно. И не в Вике, как таковой, тут было дело. Он воспринял это как произвол. Но в тот момент противопоставить ничего требованиям департамента не смог, с ним ссориться себе дороже и пришлось подчиниться.

Но теперь, когда пришёл следователь, он почувствовал шанс отомстить им за самоуправство и рассказал всё что знал. Кто именно звонил, что говорил, даже предоставил все записи разговоров, которые он вёл по старой привычке, после одного проигранного судебного процесса. Попросил навести порядок и передать Вике свои сожаления, по поводу сложившейся ситуации, а так же то, что её квартиру он занимать не будет, вещи, которые там остались, будут в целости и сохранности. А после разрешения ситуации, в котором он не сомневался, ждёт её возвращения и предоставит ей хороший дисконт на аренду на весь срок её дальнейшего проживания.

Виктор подивился самоотверженности хозяина квартиры. Дела с департаментом могли и не склеиться, и он сильно рисковал, тем более, предоставляя записи разговоров. И хотя изначально он Вику выселил, но с совестью у него оказалось всё в порядке, и он теперь пытался реабилитироваться сам перед собой, за это предательство.

«Бывает и так!» – подумал Виктор и отправился за продуктами для Вики, решив, что на сегодня хватит. Но доехать не успел, началась реакция на предыдущие провокации.

Глава 6. Лестница

Когда створки открылись, за ними никого не оказалось, чему, наверное, можно было порадоваться. Сергей вышел в точно такой же холл, как тот, из которого он уехал. Хотя были и отличия. Вдоль стен стояло оборудование, которое он безошибочно определил как уборочное. Большие моющие пылесосы, промышленного вида. С ними соседствовали старые добрые вёдра, швабры и веники. Никакие современные технологии и разработки не могли полностью отменить человеческое вмешательство, и ручной труд так и остался по соседству с современными умными машинами.

Машины, кстати, начали оживать после открытия лифта. На них стали загораться табло и мигать огоньки. Они опознали присутствие человека и теперь ждали команд. Команд не последовало и через некоторое время они опять начали засыпать. Но Сергей этого не увидел, потому что уже шёл по коридору, дёргая за каждую дверную ручку.

Все двери были не заперты. За ними располагались в основном склады с бытовой химией, туалетной бумагой, уборочным инвентарём и подобной необходимой для функционирования любого помещения, где работают люди, дребеде-ню.

Несколько раз ему попадались комнаты, где персонал, по

всей видимости, отдыхал. Там были диваны и даже иногда кровати, но не было ничего съестного. Видимо, питались они в другом месте. А пожевать чего-нибудь Сергей бы сейчас не отказался.

В одной из таких комнат отдыха он увидел на стене часы. Они шли и показывали тридцать пять минут четвёртого. Возможно этим, объяснялось полное безлюдье везде, где он пока что успел побывать. Хотя, вроде, ночь, самое горячее время для уборки. Но кто ж знает, какие у них тут порядки? А может, они все сейчас как раз и занимаются уборкой на разных уровнях, поэтому здесь никого и нет. Это было тоже вполне вероятно. Косвенно в пользу этого свидетельствовал инвентарь в лифтовом холле. Вряд ли они там его хранят всё время, наверное, там оставили то, что скоро понадобится.

После этих мыслей Сергей стал более осторожно и внимательно перемещаться по коридорам, но по-прежнему там было пусто и безжизненно. Опять вернулась мысль о телешоу. Как должен поступить герой такой передачи, оказавшись в подобной ситуации? Зрителям ведь всегда известно, что нужно делать, и в их понимании герои обычно тупят и проявляют слабость и нерешительность.

Сергей попытался представить себя на месте зрителя. Как бы он в такой ситуации посоветовал герою поступить? Внезапно, после поворота, он оказался вновь в холле, вроде лифтового, но без сомнения другом. Да и по его соображениям он был сейчас в противоположной стороне от лифтов. Холл

был пустой и всего с одной дверью.

Сергей подошёл и взялся за большую горизонтальную ручку. Она плавно продавилась вниз, отпирая дверь, и та плавно начала открываться. Он выглянул наружу. Это была лестница. Обычная лестница. Несмотря на кардинальное изменение архитектуры, да и вообще принципов строительства, благодаря которым города начали расти не вширь, а вверх на километры, тем не менее, некоторые рудименты упорно сохранялись. Один из них это лестницы. Ими уже давно никто не пользовался, но всё равно их упорно продолжали делать. Естественно, смысл в этом был, и очень глубокий. При отказе оборудования или сбоя в подаче энергии, только лестница могла помочь выбраться из заблокированного сектора.

Да, обычно по ним не ходили, но в случае неприятностей, они нередко спасали жизни. Здесь строители видно тоже постарались и сделали запасной выход. Сергей вышел на лестницу, подошёл к перилам и постарался посмотреть между ними наверх, задрав голову. За его спиной с мягким чмоком закрылась дверь. По спине пробежал неприятный холодок. Он подошёл и попытался, нажав на ручку, открыть её, но она не среагировала. Похоже, работала только на выход, а чтобы попасть внутрь, нужна была карточка, прорезь под которую дружелюбно светилась мягким зелёным светом.

Сергей постарался вспомнить, на каком он уровне подземного небоскрёба. Вроде бы на двести пятьдесят шестом,

если он ничего не путает. Ни на двери, ни на лестничной клетке никаких обозначений не было.

Ступени были обычного серого бетонного цвета, потолок белый, а стены светло-коричневого оттенка, приятного для глаз. Было чисто. Ни пылинки, ни соринки. А Сергей их старательно искал, задавшись целью, на всякий случай оставить метку на этом этаже. Мало ли, вдруг пригодится. Хотелось иметь возможность найти этот этаж, если ему придётся возвращаться, а такой поворот событий он не исключал.

Если найти что бросить на пол, то это могут убрать. Запустят робот пылесос и пиши пропало. А судя по всему, тут такой агрегат периодически проползает по лестнице. Слишком уж чисто. Лучше было оставить что-то неубираемое.

Сергей пожалел, что обследуя комнаты отдыха, не разжился чем-нибудь интересным. Мало ли что ему может пригодиться? Даже рулон туалетной бумаги бы не помешал. Но он тогда об этом не думал. На будущее он твёрдо решил, что если будут попадаться какие-то вещи, то он будет брать с собой то, что можно использовать. Если, конечно, он выберется с этой бесконечной лестницы.

Из карманов у него всё выгребли, там не осталось даже мусора, который всё время набивается в швы. Но кое-что твёрдое у него всё же осталось. Молния на брюках и пуговицы на рубашке. Пуговицы были слишком гладкими, а вот собачка молнии на ширинке вполне подходила.

Зажав брелок собачки между пальцами, он подошёл к сте-

не, прижался к ней и стал чиркать брелком по краске сначала горизонтально, потом вертикально. Наверное, проще было бы снять штаны, но учитывая то, что он сейчас был в статусе беглеца, оставаться без одежды, пусть даже на короткий срок, совершенно не хотелось.

В принципе, с задачей он справился. Правда, получился не крестик, а скорее уголок, потому что делал он это вслепую. Но с одной стороны, эта метка не бросалась в глаза, а с другой, если знать что искать, её можно было рассмотреть, не подходя близко, а просто идя мимо. То, что нужно.

Выбора не было. Нужно было идти наверх. Только так был шанс отсюда выбраться. Немного напрягала мысль, что если это не телешоу, то у него сейчас нет возможности даже отыграть назад. Вернуться и сдать обратно своим похитителям, если дела пойдут совсем туго. Что если он так никого и не встретит и начнёт умирать на этой лестнице от голода и жажды? Или придёт к какой-нибудь закрытой двери, и это будет окончательный тупик, из которого не будет выхода? Вот это будет полное фиаско и бесславный конец его жизни. Сбежать от похитителей и умереть на лестничной клетке от обезвоживания. Глупее и придумать что-то сложно.

Он ещё раз постарался рассмотреть хоть что-нибудь наверху, глядя между перилами, но опять безрезультатно. Да и что там можно увидеть? Бесконечные лестничные пролёты? Тяжело вздохнув, он поставил ногу на первую ступеньку ведущую наверх.

Двести пятьдесят шесть, это много или мало? После того как пройдёшь три, кажется что мало и получится одолеть это количество без особых проблем. После тринадцатого начинаешь сомневаться, что всё будет так легко. После двадцать третьего становится очевидным факт, что сил понадобится очень много. Учитывая то, что пролёты между этажами были довольно длинными, получалось даже больше этажей в пересчёте на ступеньки, если сравнивать с обычным домом.

Пройдя пятьдесят шесть этажей, если он нигде не ошибся и не сбился, Сергей решил сделать большой привал. В буквальном смысле этого слова. Он повалился на пол и, тяжело дыша, лежал с закрытыми глазами, пока дыхание не восстановилось.

А ведь он специально не спешил, старался подниматься размеренно, чтобы не сбивать дыхание и не сильно устать. Но всё равно вымотался. Ноги были как ватные, он сильно пропотел, и дышалка была ни к чёрту. Да, нужно было заниматься спортом, а не собираться пойти в фитнес клуб в начале каждого сезона.

Это у него была такая фишка, чтобы оправдаться перед собой, почему он не ходит. Планировать с нового года, это если не начал, то долго ждать до следующего. Планировать с начала месяца, тогда придётся часто переносить сроки. Он планировал раз в сезон. Первый день весны – отличное время, чтобы заняться спортом. Но тут навалились проблемы, на работе завал, да ещё и на другую квартиру пришлось пе-

реезжать. Ну какой сейчас спорт? Ничего страшного, будет первый день лета, это даже лучше. Начало лета – начало новой, спортивной жизни. И так продолжалось годами. Самое интересное, что он сам во всё это искренне верил, что просто обстоятельства так складываются. До этого самого момента, пока не лёг между лестничными пролётами на пол, пытаюсь восстановить дыхание. Тут ему стал очевиден весь самообман, в котором он жил всё это время. Стало очень неприятно от себя такого. Он твёрдо решил, что если выберется, то обязательно займётся спортом, и тот будет играть значительную роль в его жизни. Теперь только так!

Отдышавшись, он встал. По его расчётам идти было ещё двести этажей. Подойдя к стене, он замком от ширинки накарябал на стене число двести. Получилось коряво, но вполне читаемо. С ненавистью посмотрев на уходящие вверх ступеньки, Сергей тяжело вздохнул и пошёл дальше.

На каждом без исключения этаже, он проверял, заперта ли дверь. Осторожно надавливал на ручку и толкал. Все двери оказывались заперты. После этого он всегда прикладывал ухо к двери и слушал, надеясь уловить хоть какой-то звук. Но всё было тихо. Ни разу ему не удалось уловить ни единого шороха.

Он преодолел ещё пятьдесят этажей и окончательно выдохся. Во рту была так сухо, как будто туда насыпали песок. И в противовес этому очень сильно хотелось в туалет. Он терпел, сколько мог, стараясь сохранить в организме столь

необходимую ему жидкость, но в итоге нарисовал на стене знак вопроса струёй и пошёл дальше.

Вопрос он нарисовал не случайно. С момента похищения вся его голова была забита одними вопросами, а ответов как не было, так и нет. Всё происходящее казалось нереальным.

Нацарапав на стене число сто пятьдесят, он опять улёгся на пол и лежал так довольно долго, не в силах подняться. За время второго захода он уже не был уверен, что считал правильно, раза три он точно сбивался. Но примерно число было верным. Он прошёл сорок процентов пути. Меньше половины, а сил уже не оставалось. Это ещё ему повезло, что половину этажей он проехал на лифте. Если бы он нашёл лестницу на своём этаже, там, где была его камера, то наверняка умер бы по дороге. А тут надежда ещё есть. Только бы наверху был выход, будет обидно проделать такой путь впустую.

На полу лежать было жёстко и довольно прохладно, но он настолько устал, что это не помешало ему уснуть.

Когда он проснулся, то совершенно не имел представления, сколько времени проспал. До этого, он хоть примерно представлял который час. После того как обнаружил часы в комнате уборщиков, он всё время старался фиксировать сколько прошло. Да, это было субъективно, но хоть что-то. До сна он понимал, что было ещё утро. Теперь же могло быть сколько угодно времени. Тело болело от лежания на жёстком полу, это свидетельствовало о том, что спал он не пять минут, а долго. Но зато, возможно, восстановил силы.

Если и восстановил, то он этого не заметил. Теперь ноги были не ватными, как сразу после подъёма, а болели, после перенесённой нагрузки. Жажда была дичайшая. Голод тоже, но про это можно было пока не думать. Пить хотелось сильнее.

Единственный выход, который он видел в сложившейся ситуации, это продолжать движение вверх. Только там может быть надежда на спасение.

До следующей остановки он смог одолеть только двадцать этажей. Это было катастрофически мало. Он предполагал, что будет трудно, возможно даже очень, но то, что он выдохнется примерно на середине, это было чересчур. Впереди было ещё не меньше этажей, чем он преодолел до этого, а сил уже не было.

И это учитывая то, что он недавно поспал и отдохнул. Как же он на поверку оказался слаб и не подготовлен. За всё время подъёма, ему на глаза не попало ни одного средства наблюдения и контроля. Был шанс, что они здесь были замаскированы, но и в этом он сомневался. Лестница была очень будничной и обычной.

Вспомнилась его теория с телешоу, которую он несколько забросил. Вряд ли зрителям будет интересно, как он преодолевает десятки этажей и мочится на стену, рисуя знак вопроса. Теперь всё это казалось просто смешным. Какое телешоу?

Однако, эта мысль его парадоксальным образом подстегнула, он не стал гасить этот внезапный импульс, а постарался

поддержать его, представляя сидящих у экранов обывателей и смотрящих за тем, как он оттуда выбирается. Резко встав, он, держась за перила и перехватываясь при каждом шаге, пошёл вверх.

На этом порыве удалось преодолеть ещё десять этажей. Силы, конечно, закончились раньше, но он специально добил до ровного счёта, чтобы не сбиться. Получалось, что прошёл он сто тридцать шесть этажей, а осталось сто двадцать. На то, правильно ли он считал или нет, он решил пока не отвлекаться.

Радует то, что больше половины, но ещё так много осталось! Было досадно, что он оказался таким слабым. Но сто двадцать уже не так пугало. Нужно преодолеть двадцать, и останется всего сотня. А там вообще пойдут двузначные числа.

Он понимал, что без отдыха идти не сможет. Сергей сел, привалясь к стене, и закрыл глаза. Он опять уснул. Просто провалился в темноту. В какой-то момент ему показалось, что он падает, он вздрогнул и резко проснулся.

В первую секунду он не понял, где находится и что происходит. Но потом память вернулась, а вместе с ней накатила и волна отчаяния. Да такая, что слёзы навернулись на глаза.

Он резко встал. Не хватало ему ещё расплакаться. Почему-то очень важной показалась мысль, что так он тоже будет терять влагу, столь ценную сейчас. Глупо, конечно. Но эта мысль никак не отпускала и заставила взять себя в руки.

Собрав всю волю в кулак, он встал и решительно направился к лестнице. Сергей решил, что пройдёт двадцатку за один заход, чего бы ему это не стоило. Он решительно зашагал вверх, и сначала даже удивился, насколько легко это у него получается. Но уже буквально через один этаж силы начали резко заканчиваться.

Он не сдавался и упрямо переставлял ноги со ступеньки на ступеньку. Шаг за шагом, шаг за шагом, шаг за шагом.

В какой-то момент, он поймал себя на мысли, что перестал считать этажи. Да, прошёл он не много, но сколько именно? Уставший мозг расценил это как трагедию. Он положил руки на перила, скрестив их между собой, потому согнулся и упёрся в них головой.

– Пять! – прошептал он, – пускай будет пять этажей. Если это так важно, буду считать, что прошёл пять этажей.

Это помогло, но симптом ему не понравился. Вслед за телом начинала сдавать и психика. Даже когда его похитили, он был больше в форме. А теперь его подкосила эта проклятая лестница?

Конечно, дело было не в ней. Это был накопительный эффект негатива, который теперь прорывался наружу, почувствовав ослабление контроля. Нельзя было этому поддаваться, нужно было стараться держать себя в руках.

Сергей вздохнул и вновь стал переставлять ноги со ступеньки на ступеньку, не забывая перехватывать перила после каждого шага. Теперь он считал этажи очень внимательно.

Как оказалось, это было важно. Нужно было знать, сколько он прошёл и сколько осталось. Так можно было хоть что-то планировать и хоть как-то рассчитывать свои силы. Которых, впрочем, уже не осталось.

Он постарался вспомнить, когда пил в последний раз. Точно не больше суток. Без воды человек может обходиться вроде бы два дня? Ну, так у него ещё один день в запасе, за который ему нужно преодолеть чуть больше сотни этажей. Плёвое дело.

Он так погрузился в эти мысли, что даже не сразу это заметил. Даже когда сигнал дошёл до мозга, он остановился и не сразу понял что произошло. Он стоял и смотрел на дверь, которую уже почти прошёл мимо. Дёргать за ручки он уже некоторое время назад перестал, чтобы не тратить силы на это бесполезное занятие. Возможно, что зря.

Эта дверь была слегка приоткрыта. Совсем чуть-чуть. Он осторожно подошёл, чтобы не спугнуть это невероятное явление и рукой толкнул дверь дальше. Она открылась на всю ширину. Его не волновало сейчас, что его там может ждать. В любом случае, в сложившихся обстоятельствах это был шанс на спасение. По крайней мере, от скорой и мучительной смерти.

Он решительно шагнул внутрь.

Глава 7. Новая локация

Сергей не был геймером но, нет-нет, да поигрывал во что-нибудь. И вот сейчас у него возникла чёткая ассоциация, что он в игре перешёл в другую локацию. Может он и правда не на телевидении, а внутри игры? Спит, подключённый к каким-нибудь интерфейсам и проходит квест?

Он потряс головой. Нет, это уже совсем похоже на бред. Глупость какая-то. Какая игра? Какое телешоу? Он чуть не загнулся на лестнице, теперь он с неё выбрался, но задача номер один для него, найти воду. И тут же вновь подумал: «А чем это не квест?».

Развивать эту мысль не имело смысла, и он, не таясь, зашагал по коридору. Коридоры были опять удивительно пустынные. Он поднимался целый день, и сейчас опять настала ночь? Где люди? Это такое поразительное везение или наоборот невезение?

Все двери были закрыты, но сами коридоры и обстановка отличались от тех, которые он встречал до этого. Стены были тёмно красного цвета, в коридорах были закутки, где стояла мягкая кожаная мебель. В этих же закутках стояли растения в кадках. Было довольно уютно, но по-прежнему пусто.

Вдруг, он увидел впереди, что одна стена коридора становится стеклянной. Это было необычно. Сергей ускорил шаг.

Ещё даже не подойдя вплотную, он уже знал что это. А шаг он ускорил, потому что его организм уловил то, что мозг на уровне сознания ещё не понял.

Влажность! Здесь влажность была выше. В воздухе был определённый знакомый запах. Ну конечно, это же бассейн! Характерный запах бассейна! Вода с примесью химии и повышенная влажность в воздухе. Последние метры он уже бежал.

За стеклянной стеной, действительно был бассейн. Вода была без единой морщинки и выглядела как стекло. Вдоль бортиков опять стояли кадки с растениями, создавая иллюзию тропической природы, а под ними были лежаки. На другой стороне был ряд дверей в стеклянных стенах, за которыми угадывались парилки. В общем, стандартный набор.

Беда была в том, что в этой стене не было дверей. Это было просто большое окно, во всю стену коридора. Он прижался к нему лицом, пытаясь разглядеть, как следует, внутреннюю обстановку. Слева, с той стороны, откуда он пришёл, и справа, были выходы. Логично было бы предположить, что они ведут в раздевалки. Одна в мужскую, другая в женскую.

Он побежал по коридору к первой двери перед бассейном, надеясь, что это вход. На двери, как и на всех прочих, не было никаких обозначений. И как люди здесь ориентируются? Наизусть всё знают? А новички?

Дверь оказалась заперта. Он её ощупал, и она не внушила ему доверия. Обычная дверь. Скорее всего, тонкая и хлип-

кая, ведь за ней не прячут ничего ценного. Он бегом бросился к ближайшей нише в стене, которая была метрах в пятидесяти. Про себя он успел отметить, что в новых условиях у него открылось как будто второе дыхание и он сейчас не чувствует усталости, только жажду. Значит, были ещё у организма резервы? Может и ещё найдутся? Интересно сколько?

Ухватив небольшое кресло, он поволок его к двери в предполагаемую раздевалку. Там, взвалив его на плечо, он разбежался и со всего маху врезался в дверь. Раздался треск. Ему показалось, что трещит его плечо, которое упиралось в кресло. Видно ничего не было, но он почувствовал, что дверь поддалась. Однако кресло застряло в дверном проёме и не дало ему пролететь внутрь.

Сергей резко отскочил назад, и кресло обрушилось ему под ноги. Дверь за ним оказалась открыта. Место, где был замок, оказалось выворочено и висело на честном слове. На косяке тоже был выломан кусок. Перемахнув через кресло, он бросился было внутрь, но потом резко остановился. Что-то внутри ему мешало. Он был всю свою жизнь законопослушным гражданином, и то, что он только что сделал, выбивалось из привычного алгоритма его действий. Так было делать нельзя. Он сломал дверь и проник в запертое помещение. То, что его похитили, и он был в бегах, как-то отошло на второй план. Это же совсем другое место, люди, которые здесь работают и отдыхают, скорее всего вообще не имеют

никакого отношения к тому, что с ним произошло.

Тяжело вздохнув, он вернулся и поставил кресло на ножки. Одна из них оказалась сломана ударом о дверь, пришлось придвинуть кресло к стене, чтобы оно стояло ровно. Заметя ногой упавшие на пол щепки внутрь раздевалки, а он не ошибся, это была именно раздевалка, он осторожно попытался воткнуть на место выломанный кусок с замком, после чего аккуратно прикрыл дверь. Конечно, шито белыми нитками, но лучше чем было и не производит впечатления погрома с первого взгляда.

Слегка успокоив этим свою совесть, он бросился бегом в помещение, где находился сам бассейн. Подбежав к нему, он упал на живот и окунул голову в воду по самые уши. Захлёбываясь начал глотать. Вода попала в нос, он закашлялся, вынырнул наружу, но тут же вновь нырнул и начал жадно заглатывать живительную влагу до тех пор, пока живот не начал возмущённо урчать и булькать.

Тогда он откатился на спину и, тяжело дыша, уставился в потолок. Брожение в животе продолжилось, сначала там что-то опять забулькало, потом куда-то перетекло, и он выдал громкий и продолжительный пук с переливами.

Сергей сам этого не ожидал и резко приподнялся на локтях, оглядываясь по сторонам, но тут же откинулся обратно и приглушённо засмеялся, прижав руки к лицу.

– Боже, какой идиотизм! – сказал он вслух, – как меня может беспокоить, что кто-то услышал, что я испортил воздух?

Звук собственного голоса в пустоте бассейна его немного напряг. Да, он только что ломал дверь и пил воду взахлёб. Но голос, звучащий в пустоте, вселял тревогу, несмотря на то, что этот голос был его собственный. Он затих и прислушался. Ему показалось, что он слышит чей-то крик вдалеке. Похоже, что женский. Он прислушался внимательнее, но, сколько не напрягался, больше не уловил ни одного звука. Только в животе продолжало что-то булькать и перетекать.

– Показалось, – сказал он негромко, чтобы звук голоса не разлетелся по бассейну, – и зачем я хлебал воду прямо оттуда? Здесь наверняка есть душ с водопроводной водой, она куда лучше, а в бассейн обязательно льют какую-нибудь химию, вот и результат.

Когда он говорил негромко, почти шёпотом, собственный голос начинал успокаивать, а не напрягать. Сергей начал оглядываться в поисках туалета, но здесь его искать было бессмысленно, нужно было идти в раздевалку. Он осторожно встал и пошёл туда, потому что резких движений ему было лучше не делать, а то всё могло плохо кончиться. Давление внутри нарастало, и он плавно засеменял к раздевалке, стараясь не расплескать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.